

Кассиан Маринер

НЕФРИТОВАЯ
КЛЕТКА
ДЛЯ БЕГЛЯНКИ

Кассиан Маринер

Нефритовая клетка для беглянки

<https://litres.ru/74213599>

Аннотация

Я — тень среди тысяч служанок. Он — великий Дракон, Император, чью постель я покинула на рассвете, не назвав имени. Теперь он ищет меня по всей империи, и его гнев страшен так же, как и его страсть. Но во дворце есть тот, кто опаснее самого владыки. Главный евнух — человек без сердца, знающий все грязные тайны двора. Он нашел меня первой, и теперь я зажата между двумя огнями: одержимым Императором и тем, кто лишает меня воли одним лишь взглядом. Любовь здесь убивает. Страсть — это приговор. Смогу ли я выжить в клетке, если ключ от неё в руках моего палача?

Бонус про императора

Содержание

Глава 1.1	4
Глава 1.2	11
Глава 2.1	16
Глава 2.2	22
Глава 3.1	30
Глава 3.2	36
Глава 4.1	42
Глава 4.2	51
Глава 5	58
Глава 6	70
Глава 7.1	83
Глава 7.2	94
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Глава 1.1

Небо над Запретным городом всегда казалось мне ненастоящим. Словно кто-то натянул лазурный шелк над высокими стенами, закрепив его золотыми гвоздями солнца, чтобы мы, живущие внизу, не видели, что происходит там, на воле. Здесь, внутри алых стен, время капало густой смолой, застывая в бесконечных ритуалах, поклонах и страхе. Я опустила тряпку в ведро с ледяной водой. По поверхности пошла рябь, искажая мое отражение. Хорошо. Чем меньше я вижу свое лицо, тем спокойнее спится по ночам.

— Му Жоси! Ты снова мечтаешь? — резкий окрик старшей служанки хлестнул меня по спине не хуже бамбуковой палки. — Если ты не закончишь мыть галерею до того, как зажгут фонари, я прикажу лишить тебя ужина на три дня.

— Прошу прощения, госпожа, — я склонила голову так низко, что лоб почти коснулся влажного дерева. — Эта недостойная просто переводила дыхание. Я сейчас же продолжу.

— Недостойная... — проворчала она, проходя мимо и нарочно наступая на только что вымытый участок пола грязной подошвой. — Все вы здесь недостойные. Только грязь под ногами дракона. Три быстрее, лентяйка. Говорят, сегодня управляющий Внутренним Двором будет делать обход. Если он увидит хоть пылинку, шкуру спустит с меня, а я — с тебя.

При упоминании управляющего по моей спине пробежал холодок. Янь Усин. Это имя здесь произносили только шепотом, словно боялись накликать беду. Главный евнух, тень за тронном, человек, у которого вместо сердца кусок льда из северных ледников. Я никогда его не видела, но слухи о его жестокости просачивались даже в наш Нижний двор, где жили прачки и уборщицы. Говорили, что он может взглядом остановить сердце, и что даже сам Сын Неба прислушивается к его советам.

Я снова окунула тряпку в воду, сжимая грубую ткань покрасневшими от холода пальцами. Мои руки... Когда-то они были нежными, созданными для вышивания шелком или перебирания струн гуциня. Теперь же кожа огрубела, ногти были коротко острижены, а на ладонях появились мозоли от тяжелой работы. И я была этому рада.

Красота в Императорском дворце — это смертный приговор, если у тебя нет покровителя. Красивую служанку могут заметить евнухи и продать в гарем наложницей самого низшего ранга, где ее отравят соперницы еще до того, как Император узнает ее имя. Или, что еще хуже, она может пригласиться кому-то из стражи или пьяных чиновников, забредших не туда после пира.

Я выжала тряпку и принялась тереть темное дерево пола. Вправо, влево. Вправо, влево. Монотонные движения успокаивали. Я — никто. Я — пыль. Я — Му Жоси, дочь обедневшего ученого, которую продали во дворец за дань риса и

долги отца. Мне было всего восемнадцать, но я чувствовала себя старухой, прожившей тысячу жизней.

Вдали ударил гонг, возвещая час Обезьяны[1]. Солнце начало клониться к западу, окрашивая черепичные крыши дворцов в красный цвет. Запретный город был огромен. Это был лабиринт из тысяч павильонов, садов, галерей и потайных ходов. Мы, низшие слуги, знали только свои маршруты: от барачков до хозяйственных дворов. Нам запрещалось поднимать глаза на господ, говорить без разрешения и даже дышать слишком громко.

Закончив с полом, я подхватила тяжелое ведро. Вода в нем стала черной. Спина ныла привычной болью. Я поспешила к служебному выходу, стараясь слиться с тенями колонн. Моё серое, бесформенное ханьфу делало меня похожей на мышь. Именно этого я и добивалась.

В нашей общей спальне, где на узких нарах ютилось двадцать девушек, пахло потом. Я пробралась к своему уголку, где у меня был крошечный тайник под расшатанной доской пола. Там лежал маленький кусок бронзового зеркала — мое единственное сокровище.

Я достала его и взгляделась в мутное отражение. Оттуда на меня смотрела девушка с грязным лицом. Но даже грязь не могла скрыть черты: высокие скулы, пухлые губы, которые я постоянно кусала, чтобы они казались бледными и потрескавшимися, и глаза... Мои глаза были моей главной бедой. Они были слишком большими, слишком темными, с длин-

ными ресницами, бросающими тень на щеки. Глаза лисички-оборотня, так говорила моя мать, когда расчесывала мне волосы в детстве.

Я вздохнула и достала из-под матраса мешочек с золой, смешанной с жиром. Это был мой ежедневный ритуал. Набрала немного этой смеси на палец и привычным движением нанесла на скулы, лоб и шею. Растерла, создавая вид нездоровой, землистой кожи. Затем слегка припудрила брови, чтобы они казались тусклыми и редкими.

— Опять мажешься этой гадостью? — раздался насмешливый голос за спиной.

Я вздрогнула и спрятала зеркало. Это была Бай Хэ, одна из служанок, которая спала на соседней койке. Бай Хэ была прекрасна яркой, броской красотой, и она гордилась этим. Она тратила все свои скудные монеты на румяна и масла, надеясь, что однажды ее заметит какой-нибудь принц или вельможа.

— Я просто лечу сыпь, — тихо ответила я, не поворачиваясь.

— Сыпь, как же, — фыркнула Бай Хэ, поправляя цветок в волосах. — Ты просто дура, Му Жоси. Ты могла бы жить лучше. С твоей-то фигуркой... Если бы ты отмылась и улыбнулась, может, тебя бы перевели на кухню для евнухов. Там всегда сытно.

— Мне и здесь хорошо, — солгала я.

— Ну и сиди в грязи. А я сегодня иду разносить вино в

саду. Говорят, там будет гулять младший брат Императора. Вдруг он выронит платок, а я подниму?

Я посмотрела на нее с жалостью. Глупая, наивная Бай Хэ. Она не понимала, что во дворце поднятый платок может стоить головы.

— Будь осторожна, — прошептала я. — Дворцовые сады полны змей, и не все они ползают по земле.

Бай Хэ лишь рассмеялась и убежала, шурша юбками. Я осталась одна в полумраке комнаты. В животе заурчало, обед был скудным, чашка водянистого риса и пара маринованных редок. Но голод был привычным и слишком частым.

Я легла на жесткую циновку, закрыв глаза. Моя мечта была проста и недостижима: дожить до двадцати пяти лет. В этом возрасте служанок, если они не умерли от болезней и не провинились, иногда отпускали домой. Я мечтала выйти за ворота, вдохнуть воздух и уйти куда глаза глядят. Купить маленький домик у реки, выращивать хризантемы и никогда, никогда больше не видеть желтый цвет императорских одежд.

Вдруг снаружи послышался шум. Я вскочила, сердце забилось где-то в горле. Дверь барака с грохотом распахнулась, на пороге появилась старшая служанка, лицо которой было бледным, а руки дрожали. За ее спиной маячили две фигуры в темных одеждах дворцовой стражи.

— Все встать! — визгливо крикнула она. — Живо! Построиться в ряд!

Мы посыпались с нар, выстраиваясь в неровную линию. Девушки дрожали, кто-то тихо всхлипывал. Я опустила голову, ссутулившись, стараясь стать еще меньше и незаметнее.

В комнату вошел толстый, с лоснящимся лицом и бегающими глазками евнух. На его поясе висела нефритовая табличка, указывающая на средний ранг. Он брезгливо оглядел нашу убогую спальню, прикрывая нос надушенным платком.

— Кто из вас умеет читать? — спросил он высоким, неприятным голосом.

В комнате затихли звуки. Признаваться в умении читать было опасно. Слишком умные служанки долго не жили, потому что они могли прочесть то, что не предназначалось для их глаз.

— Я спрашиваю, кто умеет читать?! — рявкнул евнух, и его лицо побагровело. — Если будете молчать, я прикажу выпороть каждую десятую!

Девушки в ужасе зашептались. Бай Хэ, стоявшая рядом со мной, толкнула меня локтем.

— Она умеет! — выкрикнула Бай Хэ, указывая на меня пальцем. — Му Жоси умеет читать!

Предательница. Я медленно подняла глаза на евнуха, чувствуя, как кровь отливает от лица. Теперь отпираться было бессмысленно. Обман вскроется, и тогда меня казнят за ложь.

— Это правда? — евнух подошел ко мне вплотную. — Ты

грамотная?

— Да, господин, — мой голос дрожал, но я заставила себя говорить четко. — Мой отец был ученым. Он научил меня несколькими иероглифам.

— Нескольким... — он прищурился, разглядывая меня. Я чувствовала его взгляд, скользящий по моему грязному лицу и рукам в золе. — Выглядишь как пугало, но речь у тебя чистая. Пойдешь со мной.

— Куда, господин? — вырвалось у меня.

— Не твое дело задавать вопросы, рабыня! — он замахнулся, но лишь щелкнул пальцами перед моим носом. — В библиотеке заболел писарь, нужно срочно рассортировать свитки с подношениями. Срочный указ Императора. Если справишься — получишь серебряный лян. Если испортишь хоть один свиток — лишишься рук.

Библиотека. Это звучало не так страшно, как кухня или прачечная. Там книги. Мое сердце чуть успокоилось, хотя тревога никуда не делась.

— Слушаюсь, господин.

— Иди за мной и держись на расстоянии пяти шагов, от тебя несет как от свиньи.

Я бросила последний взгляд на Бай Хэ, которая отвела глаза, кусая губы. Ей было стыдно, но страх за свою шкуру был сильнее.

Глава 1.2

Мы вышли в ночную прохладу. Дворец преобразился, везде зажглись тысячи бумажных фонариков, которые качались на ветру, словно души предков. Мы шли длинными коридорами мимо садов с причудливыми камнями и прудов, где в лунном свете плескались золотые карпы.

Я старалась запоминать дорогу, но поворотов было слишком много. Мы перешли из внешнего круга служебных построек ближе к центру. Стражники в сияющих доспехах стояли неподвижно, как статуи, сжимая алебарды. И вот мы подошли к высокому зданию с изогнутой крышей, украшенной фигурками мифических зверей.

— Входи, — буркнул евнух, толкая тяжелую дверь. — Свитки на столе. Нужно разложить их по провинциям: Север, Юг, Восток и Запад. И по датам. Работы на всю ночь. Утром приду проверю. И помни: ни шагу отсюда. Если поймают в коридорах ночью без пропуска — убьют на месте.

Дверь за мной захлопнулась, и я услышала скрежет засова. Я огляделась, нужно же было узнать, куда я попала. А это было прекрасное место. Огромная комната, уставленная стеллажами, уходящими в темноту под потолок, где в центре стоял большой стол из красного дерева, заваленный свитками. Горела лишь одна масляная лампа, отбрасывая дрожащие тени, видимо ее кто-то зажег, кто был здесь до меня и

забыл потушить.

Я подошла к столу и коснулась пальцами шероховатой бумаги. Иероглифы были как старые друзья. Я любила читать. «Шелк из Сучжоу», «Чай с гор Уи», «Нефрит из Хотана». Я погрузилась в чтение, забыв о времени. Мир сузился до пятна света и шуршания бумаги.

Прошло несколько стражей. Свеча начала мигать и постепенно гаснуть. Я подняла лицо и потерла затекшую шею. В комнате стало заметно холодно и только сейчас я поняла, как сильно давила тишина.

Вдруг мне показалось, что я слышу тихий, жалобный стон, который доносился из-за стены, где была еще одна дверь, прикрытая тяжелым шелком. Я замерла, разум кричал: «Не ходи и сиди на месте! Тебе велели не выходить!». Но любопытство — порок, который погубил многих, и я не была исключением.

Стон повторился, словно кому-то было очень больно, и я больше не могла медлить. Может, там раненый слуга или животное? Надо бы помочь. Взяла догорающую свечу, вылив излишки воска, на цыпочках подошла и отодвинула тяжелый шелк. Дверь за ним была приоткрыта. И шагнула в темноту коридора.

— Есть тут кто-нибудь? — прошептала я.

В ответ ничего не последовало. Я сделала еще несколько шагов. Коридор разветвился, и я повернула направо, следуя за сквозняком. Казалось, я иду обратно к выходу, чтобы по-

просить еще свеч у стражи. Я ведь не делаю ничего плохого, только хочу закончить работу.

Но коридор всё не кончался. Стены здесь были обиты шелком, на полу лежали мягкие ковры, заглушающие шаги, в воздухе витал запах вина. Я поняла, что зашла слишком далеко. Волнение начало лихорадить тело. Это не служебные помещения, а покои господ. Я нарушила запрет. Нужно бежать обратно, пока никто не увидел!

Резко развернулась, и пламя, дернувшись в последний раз, погасло. Темнота тут же заволокла глаза. Я замерла, боясь пошевелиться. Сердце колотилось так громко, что казалось, его стук слышен во всем дворце. Вытянула руку, пытаюсь нащупать стену, и мои пальцы коснулись чего-то теплого и... живого... Гладкий, прохладный шелк одежды, под которым ощущались твердые мышцы.

Я сдавленно ахнула и попыталась отпрянуть, но сильная рука перехватила мое запястье.

— Наконец-то... — прохрипел низкий мужской голос прямо мне в ухо, от которого по коже побежали мурашки. — Я думал, ты не придешь.

— Г-господин... — пролепетала я, дрожа всем телом. — Я... я заблудилась... я служанка... прошу, отпустите...

— Служанка? — он рассмеялся, и этот смех был темным, пугающим. — Ты любишь играть в игры? Мне нравится. Твоя кожа пахнет... пылью. Необычно для наложницы.

Он резко притянул меня к себе, и мое тело врезалось в его

твердую грудь. В темноте я не видела его лица, только могла предположить форму тела. Он был высок. Его свободная рука скользнула по моей талии.

— Нет! Вы ошиблись! — попыталась вырваться, но это было все равно что бороться со скалой. — Я не наложница! Я Му Жоси и работаю в архиве...

— Тише, — он накрыл мои губы своими. Горячий, требовательный язык проник в мой рот. Грубый, кусающий поцелуй захватывал владения, которые ему не предназначались. Мужчина передо мной не спрашивал, только брал и не терпел отказа.

Я застыла от ужаса и шока. Это был мой первый поцелуй, и он был украден в темноте незнакомцем, который принимал меня за кого-то другого. Я должна была хогть что-то сделать, но страх обездвижил меня, а колени подогнулись.

Он подхватил меня, не давая упасть, и потащил куда-то вглубь комнаты. Я споткнулась о ковер, свеча выпала из моей руки и с глухим стуком ударилась об пол.

— Не надо... — прошептала я жалко.

— Не лги, — прорычал он, толкая меня на огромную кровать. — Ты пришла сама и вошла в мои покои. Ты знаешь, кто я. Никто не смеет отказывать мне.

Его руки были везде. Они развязывали пояс моего ханьфу и срывали грубую ткань, словно это была ненужная обертка. Я чувствовала жар и его тяжелое дыхание. В голове билась только одна мысль: «Если я закричу, то придет стража. Они

увидят меня здесь и казнят. Его не накажут, кто бы он ни был, а меня убьют».

Молчание — мой единственный щит, темнота — единственная союзница. Он не видит моего лица и не знает, кто я. К тому же он пьян, скорее всего не запомнит даже моего имени. Если я вытерплю и смолчу... то смогу сбежать.

Его пальцы коснулись моей кожи, смывая грязь и золу, которую я так старательно наносила. Он замер на секунду, ощутив нежность моего тела под грубой одеждой.

— Ты дрожишь, — прошептал он, и в его голосе проскользнуло что-то похожее на удивление, но желание уже затопило его разум. — Дрожишь как пойманная птица. Это хорошо.

Он навалился на меня всей тяжестью, и я зажмурилась, прокусывая губу до крови, чтобы не издать ни звука. Моя жизнь разломилась на «до» и «после», и только Небу известно, какое будущее мне уготовано.

Глава 2.1

Я лежала неподвижно, боясь даже вдохнуть, чтобы не потревожить воздух, пропитанный густым запахом мужского пота и вина. Мое тело то и дело терзала ноющая, тянущая боль внизу живота, а на коже саднили и горели следы от грубых пальцев, которые совсем недавно сжимали меня так, словно хотели оставить вмятины на моих костях.

Темнота начала редеть. Сквозь окна, закрытые резными ставнями, пробивался серый свет предрассветного часа Тигра [1]. Я медленно, цунь за цунем[2] повернула голову. Человек рядом со мной был погружен в крепкий сон. Его тяжелая, властная рука все еще лежала поперек моей талии, прижимая к шелковым простыням. Я осторожно скосила глаза, пытаюсь рассмотреть того, кто украл мою невинность, приняв за одну из наложниц.

Света было мало, но его хватило, чтобы я перестала дышать вовсе. Но как-то само собой мой взгляд упал не на лицо, а на одеяло, сбившееся у его бедер, расшитое золотыми нитями. Узор извивался, переливаясь в полумраке, но я смогла различить, что на нем было нарисовано. Чешуя, когти, оскаленная пасть, хватающая жемчужину мудрости... Пятипалый дракон.

И в тот же миг кровь отхлынула от моего лица, сердце, казалось, остановилось, а потом забилось с такой силой, что

удары отдавались в висках гулким набатом. В Поднебесной только один человек имел право носить одежду с изображением пятипалого дракона и спать на простынях цвета императорского желтого. Дунфан Цзинь-Хайлун. Сын Неба. Император Поднебесной. Я провела ночь не с пьяным стражем или каким-нибудь распутным князем, а с самим Драконом.

Ужас ледяной волной прокатился по позвоночнику. Это была не просто ошибка, а преступление, караемое смертью девяти поколений рода. Грязная служанка, осквернившая императорское ложе своим присутствием, так еще и соблазнившая самого Сына Неба. Где я, безродная грязь, и где тот, в чьих венах течет кровь небожителей? Я не проходила ритуал очищения, меня не проверяли лекари перед тем, как я вошла на ложе, мое имя не записано в книге Внутренних Покоев. Для них я ничто. Мусор, который посмел коснуться Великого.

Если он проснется и увидит меня и моё грязное лицо с руками... Боюсь меня не просто убьют, а будут резать по кусочкам так медленно, что я буду молить о смерти, как о благословении, но мне умереть так просто не дадут. Нужно бежать. Сейчас же, пока не поздно и пока он не проснулся!

Я закусила губу, чтобы заглушить стон от боли, которая разливалась внизу живота, и начала медленно, словно змея, выползать из-под его тяжелой руки, чтобы он ни в коем случае не проснулся. И как же это было трудно. Каждый шорох шелка казался мне камнепадом. Гонгом. Или ударами по

медной тарелке. Ткань шуршала, цепляясь за кожу. И именно из-за этих невесомых прикосновений он мог проснуться.

Император пошевелился во сне, что-то пробормотал и даже рыкнул, от чего внутри все сжалось. Я всмотрелась в кожу лица и заглушила судорожный вздох. По его лицу пробежало несколько чешуек. Его пальцы сомкнулись, словно искали тепло моего тела. Я замерла, превратившись в камень и только мысленно молилась, чтобы его сон не прервался. Прошла вечность, прежде чем его рука расслабилась и соскользнула на простыню. Свобода!

Я сползла с огромной кровати, едва не упав на мягкий ковер. Ноги дрожали и подкашивались, я то и дело норовила упасть. Между бедер было липко и влажно, и от этого я чувствовала себя грязной и растоптанной, но у меня не было времени, чтобы оплакивать все произошедшее. Моя жизнь важнее невинности.

Порванное серое ханьфу, которое я вряд ли смогу больше надеть, лежало на полу бесформенной кучей, но выбора не было. Схватила его дрожащими пальцами и начала искать пояс, но не находила его. Я шарила руками по темноте, но не могла найти грубую веревку, которой подпоясывалась.

И тут взгляд упал на маленький столик у изголовья кровати, где лежала моя деревянная шпилька, вырезанная отцом. Она похоже выпала из моих волос, когда Император повалил меня, и видимо он её туда и положил. Я потянулась к ней, но в коридоре послышался мерный топот стражи, сменяю-

щийся на посту. В голове промелькнуло, что нельзя брать шпильку, так как могу опрокинуть чашу из под вина, которая стояла на столике. Рука дрогнет и конец. Пусть остается, это всего лишь шпилька, у других служанок точно такие же. Никто не узнает чья она.

Я прижала одежду к груди и, пригибаясь к самому полу, метнулась к выходу, проскользнув мимо него, как тень, и попала в коридоры дворца. Тени колонн напоминали чудовищ, готовых наброситься на меня, в каждой тени я видела свою смерть. Я бежала босиком по холодному камню, не чувствуя холода. Только страх за свою жизнь гнал меня вперед. Кажалось, что Император проснулся и увидев пропажу, издал протяжный рык.

Каким-то неведомым чудом я добралась до архива, хотя даже не помнила пути. Видела только, как дрожали руки и как я пыталась бесшумно пройти мимо стражей. Внутри все было точно так же, как я и оставила, только свечи не было. Я её оставила у Императора.

Упала на колени перед столом, натягивая на себя рваную одежду. Руки не хотели слушаться, но у меня все же получилось. Я завязала ханьфу узлом, так как пояса не было. Волосы спутались и эта черная копна падала мне на лицо. Схватила первый попавшийся свиток и уткнулась в него, стараясь выровнять дыхание. Из груди вырывалось рыдание, но я затолкала его глубоко внутрь. Нельзя плакать, слезы оставят следы.

— Эй, ты!

Голос раздался так неожиданно, что я подпрыгнула. Дверь архива открылась, на пороге стоял евнух, что привел меня сюда. Он выглядел заспанным и злым, утренний свет бил ему в спину, превращая его фигуру в темный силуэт.

— Ты закончила? — он прошел внутрь, подозрительно оглядывая меня. Вид у меня был сильно потрепанный, можно было легко догадаться, что со мной произошло. — Почему свеча не горит? Ты спала?!

— Нет, господин! — вскочила и низко поклонилась, пряча лицо. — Свеча давно прогорела. Я... я работала при лунном свете, пока он падал в окно. А потом... потом я ждала рассвета, перепроверяя работу в уме.

Евнух фыркнул, подойдя к столу, взял один свиток, потом другой и небрежно бросил их обратно.

— Вроде рассортировано. Удивительно для такой замарашки. — Он подошел ко мне ближе, и его нос дернулся. — Чем это от тебя пахнет? — он принюхался, сморщившись. — Вином? И... мужчиной?

У меня подкосились ноги. Неужели запах Императора настолько силен? Я пропала... Нужно немедленно что-то придумать.

— Я... я нашла разбитый кувшин в коридоре, когда ходила за водой, господин, — ложь вылилась из меня сама собой. — Пыталась вытереть, чтобы никто не поскользнулся.

— Дура. Во дворце вином полы не моют. Проваливай от-

сюда. Вот твой лян и чтобы духу твоего здесь не было.

Он швырнул мне в ладонь серебро. Я сжала его в кулаке так, что ногти вонзились в кожу, но не отпустила. И это плата за то, что произошло со мной ночью... Как же горько.

— Благодарю, господин.

Выскочила из архива, не чувствуя пола под собой. Утро вступало в свои права, дворец просыпался, слуги в серых одеждах уже мели дворы, где-то вдалеке слышалось пение евнухов, открывающих ворота. Мир был таким же, как вчера, но я изменилась и теперь несла на себе невидимое клеймо, которое нужно теперь спрятать.

Добралась до заднего двора, где стояли большие чаны с дождевой водой и огляделась. Никого не было. Сбросила одежду и забралась в ледяную воду, которая вонзилась в кожу тысячей иголок. Сорвала самый большой лист и принялась тереть себя до красноты. Я хотела содрать с себя этот запах, ощущение чужих рук и эту проклятую память о ночи. Смыть прикосновения Императора и свой грех. Но даже когда кожа стала гореть огнем, мне казалось, что я все еще чувствовала запах вина.

[1] Час Тигра — с 3.00 до 5.00

[2] Цунь — 3,33 см.

Глава 2.2

Император Дунфан Цзинь-Хайлун

Дунфан Цзинь-Хайлун проснулся от холода. Давно он от него не просыпался, в его покоях всегда поддерживали тепло, топя печи ароматным углем. Но холод шел не снаружи, а от пустой половины постели.

Император открыл темные глаза, в которых плескалось раздражение. Он резко сел, отбрасывая шелковое одеяло. Было пусто. Цзинь-Хайлун провел ладонью по простыне и нащупал едва уловимое тепло, которое ткань еще хранила в себе. Она была здесь и совсем недавно ушла.

События ночи возвращались к нему обрывками, затуманенными винными парами. Пир в честь победы на южной границе был долгим, поэтому Цзинь-Хайлун слишком поздно распознал сладковатый привкус весеннего корня в своем кубке. Кто-то из министров решил сыграть в опасную игру, надеясь загнать распаленного Императора в постель своей дочери-наложницы ради наследника. Вzbешенный этой дерзостью, он ушел один, отослав слуг. Цзинь-Хайлун хотел тишины и прохлады, чтобы переждать жар в крови, но не мог. Он дожидался наложницу, которую хотели ему подсунуть, и она наконец явилась.

Дунфан Цзинь-Хайлун нахмурился, пытаясь вспомнить ее лицо, но это было бесполезно. Темнота скрывает черты, по-

этому он помнил только ощущения. Гладкую, прохладную кожу, которая пахла чем-то свежим и горьковатым, а не тяжелыми духами, какими пользовались наложницы.

Она дрожала в его руках и не притворно, как любили изображать наложницы, делающие видимость страсти, а по-настоящему. Она была узкой, тесной и неискушенной. Девственница? Нет, вряд ли. Откуда девственница в его покоях? Но ее реакция и скованность, сменившаяся податливостью... Это взбудоражило его кровь так, как не удавалось ни одной искусной блуднице за последние годы. И она сбежала.

Дунфан Цзинь-Хайлун сжал кулак. Никто не смеет уходить от Императора, пока он не даст позволения. Это дерзость.

— Эй! — рявкнул он, и его голос прокатился по покоям, как удар хлыста. — Кто там есть! Входите!

В его, как выяснилось, открытые покои мгновенно зашли. В комнату вбежали двое евнухов и тут же упали на колени, ударяясь лбами об пол.

— Ваше Величество! Живите десять тысяч лет!

— Кто был здесь ночью? — Дунфан Цзинь-Хайлун встал с мрачным лицом, накидывая на плечи халат. — Какую женщину вы мне прислали?

Евнухи переглянулись, дрожа от страха.

— Ваше... Ваше Величество, — пролепетал один из них. — Мы... мы никого не присылали. Вы приказали никого не впускать. Стража стояла у внешних ворот. Внутренние по-

кои были заперты...

— Заперты? А вы вот не стучались и не открывали двери, когда вошли, — Дунфан Цзинь-Хайлун подошел к евнуху и пнул его носком в плечо. — Тогда с кем я провел ночь, с призраком лисицы? Здесь была женщина! Найдите ее!

Он повернулся, чтобы налить себе воды, и вдруг его взгляд зацепился за то, что здесь не должно было находиться. Среди чаш и золотых украшений лежала простая, грубая деревянная шпилька.

Он взял ее в руки, понимая, что сейчас держит дешевое дерево, да еще и с грубой полировкой. На конце был вырезан неумелый цветок. Это была вещь простолюдинки, которая забыла её здесь.

Дунфан Цзинь-Хайлун медленно провел пальцем по шершавому дереву. Значит, это служанка. Пробралась в покои Дракона, воспользовавшись тем, что стража расслабилась после праздника? Или убийца, которая не решилась на удар? Нет, убийцы не стонут так сладко и не пахнут водой. Уголок его губ дрогнул в усмешке.

— Янь Усин! — крикнул он. — Позвать ко мне управляющего Мо! Немедленно!

Му Жоси

Я сидела на своей циновке, расчесывая мокрые волосы дрожащими руками. В спальню начали возвращаться другие девушки после утренней смены. Гам и шум наполнили бара-

ки, но для меня все звуки доносились словно сквозь воду.

— Встать! — жестко проговорил тихий, спокойный голос. Этот голос отличался от визгливого крика старшей служанки или противного пения ночного евнуха. Он скорее звучал, как свист меча.

В дверях барака стоял высокий человек, что было редкостью для евнухов, одетый в темно-синие, почти черные одежды, расшитые серебряными журавлями. Его волосы были собраны в строгий пучок, закрепленный черной шпилькой. Лицо...

Я замерла с гребнем в руке. Его лицо было красивым, и даже слишком. Таким лицом могут обладать только белокаменные статуи в храмах. Бледная кожа, тонкие губы, прямой нос, темные глаза, похожие на глубокие омуты, в которых не отражалось ничего, кроме усталости и презрения ко всему живому. Сразу стало понятно, что это Янь Усин, Управляющий Внутренним Двором, цепной пес Императора.

Он только стоял и смотрел, но от его взгляда многие девушки замирали, опускали головы и переставали дышать. Главная служанка рядом с ним тряслась, как засохший осенний лист.

— Кто дежурил в западном крыле этой ночью? — спросил он ровным, бесчувственным голосом. На его вопрос никто не удосужился ответить. — Я повторю только один раз, — он сделал шаг вперед, но мы даже не услышали, как он ступал. Его тело передвигалось бесшумно, словно он был за-

таившимся хищником, что наконец поймал добычу. — Кто покидал бараки после отбоя?

Я сжала гребень так, что зубчики больно впились в ладонь. Он ищет меня, потому что я провела ночь с Императором.

— Т-только Му Жоси, господин, — пропищала старшая служанка, указывая на меня дрожащим пальцем. — Ее... ее забирали на работы в архив.

Янь Усин медленно скользнул взглядом по ряду девушек и остановился на мне. Я почувствовала этот взор так, словно меня касались холодной ладонью. Его глаза оценивали и пронизывали насквозь. Он видел все. Мокрые волосы, красные от ледяной воды руки и бледность под слоем сажи, которую я успела нанести снова.

Янь Усин подошел ближе, и я склонилась в поклоне, упершись лбом в пол. С этой высоты можно было рассмотреть только полы его халата и носки черных сапог с вышивкой.

— Встань, — приказал он. Я выпрямилась, но глаз не подняла. Смотреть в глаза вышестоящему — дерзость. — Посмотри на меня.

Я заставила себя поднять взор, хотя очень сильно не хотелось. Внутри я дрожала и молилась всем богам, чтобы меня не распознали. Я не хочу умирать. Пожалуйста, прошу, только не я... Я хочу жить. Но не подчиниться приказу не могла. Вблизи его глаза казались еще страшнее, чем на расстоянии дальше двух шагов. В них был виден острый, холодный, же-

стокий ум, который видел ложь насквозь.

— Ты была в архиве? — тихо спросил он.

— Да, господин.

— Всю ночь?

— Да, господин.

— Евнух сказал, что ты вернулась на рассвете, — произнес он, разглядывая мое лицо. — И что от тебя пахло вином.

Сердце пропустило удар. Нет... Только не это... Неужели все так просто? Ну как? Как так может быть? Как меня так быстро поймали? Нет, не время разводить сырость, нужно что-то придумать.

— Я... я убирала разбитый сосуд в коридоре, — повторила я свою ложь, молясь небесам, чтобы голос не дрогнул.

Янь Усин вдруг протянул руку, длинные и изящные пальцы коснулись моего подбородка. Он приподнял мое лицо, поворачивая его к свету.

— Вином... — повторил он задумчиво. — Странно, в западном крыле вчера не подавали вино. Пир был в Восточном дворце.

Как быстро меня поймали на лжи... Сейчас он позовет стражу, и все быстро закончится. Но вместо того, чтобы крикнуть, он нагнулся ближе, и я смогла уловить его запах чернил и мороза, словно он только что вернулся с северных пустошей.

— У тебя красивые руки для той, кто моет полы, Му Жоси, — прошептал он так, чтобы слышала только я. — И

слишком умные глаза для дуры, которую ты из себя строишь.

Он резко отпустил мой подбородок и вытер пальцы белоснежным платком, словно коснулся грязи. Унижение кольнуло мое сердце болючей иглой. Человек передо мной был таким высокомерным, что во мне, даже несмотря на испытываемый страх, зародилась маленькая искра ненависти. Я не хотела ничего этого чувствовать и испытывать в ту злополучную ночь и тем более стоять здесь, прячась от возмездия. Хотелось только взять его платок и бросить ему в лицо. Я не грязь, я человек, и не виновата, что все так произошло.

— Император потерял одну вещь, — громко сказал Янь Усин, обращаясь ко всем. — Вор, или тот, кто знает о воре, должен выйти вперед. Если вещь вернут добровольно — наказание будет мягким. Если мы найдем ее сами — виновного сварят в масле.

Он вытащил из рукава предмет и поднял его вверх. Я сразу поняла, что это была моя шпилька. Ноги от всего происходящего не хотели меня держать. Я могла только с ужасом взирать на грубый кусок дерева в его холодных пальцах и чувствовать, как мир вокруг меня начал темнеть. Император нашел её, отдал евнуху и теперь Янь Усин ищет хозяйку, чтобы сварить в масле...

Остальные девушки с ужасом выдохнули. Они точно так же, как и я дрожали от тяжести наказания. Если случайно выяснится, что шпилька принадлежит одной из них или каким-то образом её запишут в их владение, то быть беде.

— Это дешевая безделушка, — продолжил Янь Усин, вертя шпильку в пальцах. — Из персикового дерева. Такая есть у многих из вас, но на этой вырезан иероглиф «Чистый поток». У кого имя связано с чистым потоком?

Главная служанка ахнула, Бай Хэ зажала рот рукой, глядя на меня расширенными от ужаса глазами. Теперь все поняли, кого ожидает кипящее масло.

— Му Жоси... — прошептала Бай Хэ. — Ее имя значит «Лесной чистый поток»...

Янь Усин снова посмотрел на меня, но теперь взор темных глаз был совершенно другим. В нем вспыхнул огонек, и я почувствовала себя так, словно на мой след вышел хищник... или уже нашел меня.

— Значит, Му Жоси, — произнес он мягко, почти ласково. — Пройдем со мной. Нам нужно обсудить... твою работу в архиве.

Глава 3.1

Путь от нижних барачков до резиденции управляющего Внутренним Двором показался мне дорогой на казнь. Мы шли молча, прямой, как натянутая струна, Янь Усин шагнул впереди, его шелковые одежды едва шелестели, не касаясь пыли. Я плелась сзади, окруженная двумя стражниками-евнухами, чьи лица были лишены всякого выражения, словно они вылеплены из глины.

Солнце поднималось выше, заливая Запретный город светом. Обычно в это время я любила смотреть, как золотая черепица крыш вспыхивает огнем, но сегодня этот блеск резал глаза. Дворец, казавшийся раньше просто огромной тюрьмой, теперь превратился в пасть чудовища. И я сама шагнула на его язык этой ночью.

Мы миновали шумные хозяйственные дворы, прошли через Сад Камней и углубились в часть дворца, где царила тишина. Здесь не пели птицы, и даже ветер, казалось, замедлял свой бег, опасаясь потревожить покой обитателей. Это был Павильон Холодной Яшмы, владения Янь Усина.

Здание было строгим, лишенным той кричащей роскоши, которую так любили наложницы и сам Император. Темное дерево, серый камень, мало изысков, словно здесь проживал монах. Вокруг росли лишь бамбук и черные сосны и ни одного цветка.

— Ждите здесь, — бросил он стражникам, не оборачиваясь. — Она войдет одна.

Двери распахнулись передо мной, и я шагнула в полумрак. Казалось, стены здесь были сделаны из льда. Просторная комната была заставлена стеллажами со свитками, в центре стоял низкий стол, на котором дымилась курильница в форме лотоса. Дым тонкой струйкой поднимался вверх, рисуя в воздухе причудливые иероглифы.

Янь Усин прошел к столу и сел на циновку с грацией хищного кота. Он не предложил мне сесть, и поэтому я осталась стоять посреди комнаты, чувствуя себя маленькой, грязной и беззащитной букашкой.

Он молчал и смотрел на меня, изучая. Его взгляд скользил по моему лицу, по шее, спускаясь ниже, к рукам, которые я судорожно сжимала в рукавах. Затем медленно достал из рукава мою шпильку и положил на стол.

— Рассказывай, — тихо произнес он.

— Что рассказывать, господин? — прохрипела я.

— Как эта вещь, — он коснулся шпильки длинным пальцем с овальным ногтем, — оказалась в покоях Императора рядом с его подушкой.

Ложь застряла у меня в горле. Сказать правду? «Я перепутала двери, и Император изнасиловал меня, приняв за наложницу»? Нет, это смерть. Янь Усин — слуга Императора. Он обязан доложить о любой женщине, коснувшейся Сына Неба. Меня проверят, найдут следы потери невинности, и

казнят за осквернение монаршего тела без ритуала. А потом казнят мою семью. Нужно лгать, и так, как никогда в жизни.

— Я... я потеряла её, господин, — начала я, глядя в пол.

— Вчера днем я носила воду в Сад Вечной Весны. Видимо, она выпала там.

— В Сад Вечной Весны? — Янь Усин слегка наклонил голову. — Император не был в саду вчера. Он был на совете министров, а потом на пиру в Восточном дворце. Как шпилька из сада перелетела в его спальню? У неё выросли крылья?

— Возможно... кто-то подобрал её? — прошептала я. — Кто-то из слуг или наложниц? И обронил в покоех?

Янь Усин холодно усмехнулся.

— Ты держишь меня за глупца, Му Жоси? — его голос стал ледяным. — Наложницы не подбирают мусор служанок, а евнухи не носят женских шпилек.

Он резко встал, отчего я невольно отшатнулась, но бежать было некуда. Янь Усин подошел ко мне вплотную, от него исходила волна подавляющей силы. Я знала, что управляющий Внутренним Двором — мастер интриг, но говорили, что он владеет и темными искусствами допроса.

— Ты была там, — он не спрашивал, а утверждал. — Пробралась в покои Дракона. Зачем? Ты шпионка? Тебя подослал какой-то противоборствующий клан? Или ты решила, что твоей жалкой красоты хватит, чтобы соблазнить Сына Неба и выбиться из грязи в наложницы?

Он схватил меня за подбородок, заставляя поднять лицо.

Его жесткие пальцы стерли пальцем слой сажи с моей щеки, обнажая чистую кожу.

— Не притворяйся уродиной. Я вижу, что под грязью. Ты красива и даже чересчур. Такие, как ты — причина падения династий.

— Я не шпионка! — выкрикнула, и слезы брызнули из глаз. — Клянусь! Я просто заблудилась! И пошла на звук... Я думала, кому-то нужна помощь!

— Помощь... — он фыркнул, отпуская меня с выражением брезгливости. — И как? Помогла?

Я вспыхнула, жар залил лицо, шею. Я вспомнила тяжелое дыхание Императора, его руки на моем теле, боль и странное, болезненное удовольствие.

Янь Усин увидел мою реакцию, и его глаза сузились. Я видела в них эмоции, но не могла понять какие.

— Значит, он тронул тебя, — прошептал он. В его голосе прозвучало что-то странное. — Император взял тебя.

Я молчала, глотая слезы. Отрицать было бессмысленно. Мое тело кричало об этом. Янь Усин отвернулся и прошел к окну. Он стоял ко мне спиной, сцепив руки за спиной, плечи были напряжены.

— Ты понимаешь, что ты наделала? — глухо спросил он. — Ты нарушила закон. Ты украла семя Дракона. Если ты забеременеешь...

У меня перехватило дыхание. Беременность. Я даже не думала об этом.

— ...то родится бастард, угроза трону. Тебя нужно убить прямо сейчас. Вскрыть живот, чтобы убедиться, что семя не прорастет, а тело сжечь.

Я рухнула на колени.

— Господин! Умоляю! Я не хотела! Я буду молчать! Никто не узнает! Я выпью отвар лунных трав, чтобы не было ребенка! Только не убивайте! У меня больная мать и младшие братья, если я умру, они умрут с голоду!

Я лбом о холодный пол, унижаясь и моля о пощаде. Гордость? Какая гордость, когда речь идет о жизни и о семье. Янь Усин молчал, время тянулось. Я слышала только стук своего сердца и шелест бамбука за окном.

— Встань, — наконец произнес он, и я медленно поднялась.

Он повернулся. Его лицо снова было бесстрастным маской.

— Император ищет тебя. Ему понравилось. Если я отдам тебя ему сейчас, он поиграет с тобой неделю, может, месяц, а потом ему наскучит, и тебя бросят в колодец или отдадут солдатам. Ты это понимаешь?

Я кивнула, потому что знала репутацию Императора. Он был капризным ребенком с властью бога.

— Я не отдам тебя ему, — сказал Янь Усин, и я замерла, не веря своим ушам.

— Вы... вы отпустите меня?

— Отпущу? — Он рассмеялся. — Чтобы ты сболтнула

кому-нибудь? Нет, Му Жоси. Ты теперь моя. — Он подошел к столу, взял кисть, макнул ее в тушь и быстро написал что-то на свитке. — С сегодняшнего дня ты перестаешь быть уборщицей и назначаешься моей личной служанкой. Будешь жить здесь, в павильоне Холодной Яшмы, подавать мне чай, убирать мои книги и следить за моими одеждами. И ты не сделаешь ни шагу за порог без моего разрешения.

— Но... почему? — вырвалось у меня.

Он посмотрел на меня в упор.

— Потому что я люблю держать свои неприятности под присмотром. Ты — неприятность, Му Жоси. Живая, дышащая улика. Пока ты здесь, под моим носом, Император тебя не найдет. Я спрячу тебя на самом видном месте. Он никогда не подумает искать свою фею среди слуг своего главного евнуха. — Он протянул мне свиток. — Иди, получи новую одежду и вымойся.

Глава 3.2

Янь Усин

Янь Усин смотрел, как за девушкой закрывается дверь. Как только она вышла, его холодная личина исчезла, и он с силой ударил кулаком по столу. Чашка с чаем подпрыгнула и перевернулась, проливая горячую жидкость на ценный трактат, но Янь Усин даже не заметил.

Она. Опять она. Судьба издевается над ним. Янь Усин помнил ее. Му Жоси он заметил еще месяц назад, когда проходил мимо прачечной. Среди серых фигур она выделялась, как лотос в болоте. Даже измазанная грязью и согнутая в три погибели, она имела грацию благородной девы. Он часто видел её, даже против своей воли. Му Жоси встречалась ему как наваждение, хотя сама и не подозревала о тайном наблюдателе. Янь Усин узнал, что она была дочерью ученого и умела читать.

Он планировал использовать ее, ему нужны были умные глаза и уши в гареме. Но Император опередил его. Этот похотливый, развращенный мальчишка, возомнивший себя богом, коснулся этого невинного цветка.

Янь Усин чувствовал, как внутри поднимается злоба. Он не мог сказать, ревность ли это была. Да и какая ревность, он не мог позволить себе чувства на этом пути лжи. Пути евнуха, который и не евнух вовсе.

Да, он сохранил свою мужскую силу. Это была его тайна, за которую полагалась смерть от тысячи порезов. Янь Усин использовал древние даосские техники запирания ян, подкуп лекарей и невероятный самоконтроль, чтобы обмануть всех. Он пошел на это ради мести, чтобы однажды разрушить эту гнилую династию изнутри.

Женщины для него были лишь инструментом или препятствием. Последних он легко устранял. Но эта девчонка... Когда он коснулся её подбородка и увидел страх и непокорность в её лисьих глазах, то почувствовал, как внизу живота шевельнулось давно забытое чувство, и это было опасно. Она пахла Дунфан Цзинь-Хайлуном, чей запах вызывал у Янь Усина желание убивать.

— Зачем я оставил её в живых? — спросил он в пустоту.

Сознание говорило: убей и спрячь концы в воду. Но шестое чувство, что позволяло ему выживать во дворце уже десять лет, шептало: «Она пригодится, ведь ненавидит его так же, как и ты, просто еще не знает об этом. Или же возненавидит».

Она станет оружием в его руках. Янь Усин отточит её, как клинок, обучит хитростям, обращению с ядами и управлению мужчинами и однажды сам подложит Императору, но уже как отравленный плод. Но сначала он должен сломать её и подчинить себе. Только так она сможет исполнять приказы, которые он ей отдаст.

На его лице растянулась холодная хищная улыбка.

— Добро пожаловать в пекло, Му Жоси, — прошептал он.
— Надеюсь, ты выживешь в моем аду.

Му Жоси

Меня поселили в крошечной комнате при кухне павильона. По сравнению с общим бараком это были царские покои. Здесь была своя кровать, сундук для вещей и даже маленькое окно, выходящее на стену, увитую плющом.

Мне выдали платье из плотного синего хлопка с белым поясом. Одеваясь, я чувствовала себя странно, словно надевала невидимые кандалы, которые еще не скоро смогу снять. Теперь я должна была служить ему, хоть и боялась Янь Уси-на до дрожи в коленях. Его глаза видели меня насквозь, но он не выдал меня. Почему? Потому что я стала проблемой. Он сам об этом и сказал.

Вечером меня позвали подавать чай. Я вошла в рабочий зал Янь Уси-на на негнущихся ногах. Он сидел за столом и читал, свет множества свечей играл на его лице, делая тени резкими.

— Чай, — коротко бросил он.

Я подошла к столику с дрожащими руками, держащими чайные принадлежности. Чай «Серебряные иглы» был дорогим и капризным сортом. Вода должна быть определенного жара, чтобы чайники могли раскрыть вкус. Я старалась дышать ровно, хотя внутри все клокотало, словно проглотила извивающуюся змею. Взяла чайник из тончайшего, по-

лупрозрачного фарфора, и струйка кипятка полилась в гайвань[1]. Дзинь. Крышечка звякнула о чашку, и Янь Усин поднял недовольные глаза.

— У тебя дрожат руки, — заметил он. — Ты боишься меня?

— Да, господин, — честно ответила я, опуская глаза.

— Это хорошо, страх делает человека внимательным. Но дрожащие руки портят чай и передают воде твою тревогу, а я люблю покой. — Он поднялся и подошел ко мне сзади, отчего я невольно почувствовала тепло его тела, хотя он ни капли меня не коснулся. — Дыши, — скомандовал он. — Вдох, выдох. Представь, что ты дерево, корни которого уходят в пол, а ветви держат небо.

Его голос завораживал и заставлял погружаться в полусон. Я сделала вдох, и запах чернил и холода окутал меня.

— Наливай.

Я наклонила чайник, видя, что руки больше не дрожат. Ароматная жидкость наполнила пиалу.

Янь Усин протянул руку, чтобы взять чашку, и наши пальцы невольно соприкоснулись на долю секунды в воздухе. Меня словно ударило молнией. Его кожа была сухой и прохладной, но под ней бился сильный, живительный пульс. Он взял чашу, сделал вид, что ничего не произошло, или же это просто не стоило его внимания, и отпил, глядя мне в глаза поверх края пиалы.

— Сносно, — произнес он, распробовав на вкус. — Но

тебе нужно учиться. С завтрашнего дня ты будешь учить наизусть трактат о ядах.

— О ядах, господин? — я опешила. — Зачем служанке знать о ядах?

— Затем, что в этом дворце чай и яд часто одно и то же. — Янь Усин поставил пиалу на стол. — Ты должна уметь различать их по запаху, цвету пара и тому, как пузырится вода. Если я умру от яда, то ты умрешь следом от нескончаемых мук. Это достаточная причина для учебы?

— Более чем, господин.

— Свободна. И запири дверь на засов. Я не люблю ночных гостей, особенно тех, кто путает двери.

Я вспыхнула от этого намека, но тут же затолкала все внутрь, поклонилась и выбежала из рабочего зала. Оказавшись у себя, прислонилась спиной к двери и сползла на пол. Сердце колотилось как безумное.

Я спаслась от казни, но попала в другой ад. Император представал передо мной горячим, даже чересчур. Его огонь мог легко сжечь меня, ведь он дракон. Сын Неба. Янь Усин же был ледником, медленным ядом, который проникает в кровь и убивает незаметно. Когда наши пальцы соприкоснулись, то я почувствовала не только страх, а странную близость к этому опасному, загадочному человеку, который держал мою жизнь в своих красивых, смертоносных руках.

За окном закричала ночная птица. Где-то там, в золотых покоях, Император, возможно, еще ищет меня и утоляет

свою страсть среди наложниц. У меня же появилась новая жизнь в павильоне Холодной Яшмы, и мне было неизвестно, как она сложится дальше.

[1] Гайвань — традиционная китайская посуда для заваривания чая, состоящая из чаши, крышки и блюдца, что позволяет контролировать процесс заваривания и раскрывать тонкие вкусы чая.

Глава 4.1

Я проснулась в павильоне Холодной Яшмы от тишины, которая была настолько неестественной, что это чувство давило на сознание, заставляя тело покрыться холодным потом и оглохнуть. По крайней мере первые секунды я могла тяжело дышать и даже не слышать своё дыхание. Все в этом месте глушило звуки, превращая в ничто.

Я лежала на узкой кровати, укрытая одеялом, которое словно прибило тело к низу. Через окно просачивался серый свет сквозь дождливые низкие тучи. Небо над столицей плакало, капли мерно стучали по черепице, словно пальцы невидимого музыканта, перебирающего струны. Села, обхватив колени руками. Вчерашний день казался дурным сном, но синее платье служанки высшего ранга, аккуратно сложенное на сундуке, говорило об обратном. Я больше не безымянная служанка из Нижнего двора. Я стала личной тенью самого опасного человека в Запретном городе. В животе страх закрутился тугим узлом. Правила выживания среди грязи мне были прекрасно известны. Молчи, терпи и не поднимай глаза. Но каковы правила в мире золота и яда, я не знала.

Быстро умылась ледяной водой из кувшина, заплела волосы в тугую косу, чтобы не мешались, и закрепила их простой деревянной палочкой, которую нашла на кухне. Мою шпильку я больше не видела, она осталась у Янь Усина, как залог

моей жизни. Да и мне самой было опасно её теперь надевать. Скорее всего весь дворец уже знает, как выглядит вещь «воровки». Одеваясь, заметила, как дрожат мои пальцы, завязывая пояс. Синий цвет ханьфу мне шел, он оттенял бледность моей кожи, но я чувствовала себя в нем самозванкой.

Выйдя в коридор, я сразу же столкнулась со старым слугой, который нес поднос с завтраком. Он был глухонемым, я поняла это по тому, как он поклонился мне. Без единого звука, даже дыхания не было слышно, и от этого становилось жутко, но и все же жалко его. Кто же с ним так поступил? Но становилось понятно, что Янь Усин ценил тех, кто мог держать язык за зубами. Или же был таким же, как этот слуга. Просто выболтать ничего не сможет. Вот и мне надо было молчать и слушать.

Он жестко указал на поднос и затем на массивные стены рабочего зала хозяина. Я сразу поняла, что от меня требовалось. Нужно было принести завтрак Янь Усину, даже если мне не хотелось его видеть и было страшно. Я взяла поднос, который оказался не таким уж и лёгким. На нем расположились фарфоровые чашки под крышками, серебряные палочки и маленькие пиалы с закусками. Я подошла к дверям и глубоко вздохнула, пытаясь унять дрожь и замедлить сильное сердцебиение. И тихонько постучала.

— Войди, — глухо проговорил Янь Усин, словно его голос доносился из под толщи воды.

Я толкнула дверь плечом, попадая в темное простран-

ство. Окна были закрыты массивными деревянными ставнями, повсюду горели свечи, и воздух был тяжелым от старой бумаги и чего-то горького. Запах лекарств. Янь Усин сидел за своим столом, но не работал, как ожидалось. Он неподвижно восседал на стуле, закрыв глаза, и массировал виски длинными бледными пальцами. Черная река волос струилась по темно-синему халату. Я удивилась. Без строгого пучка на голове он выглядел значительно моложе и более раскованно. На столе перед ним лежал раскрытый свиток и несколько пузырьков из темного стекла.

— Завтрак, господин, — прошептала я, опуская поднос на край стола. Я старалась это делать бесшумно, чтобы не нервировать его и не нарушать эту мертвую тишину. К тому же я до сих пор помнила урок с чаем, поэтому пыталась войти снова в то медитативное состояние, чтобы руки не дрожали.

Он открыл красный глаз. Взгляд был мутным, словно он не спал всю ночь.

— Убери это, — он махнул рукой на еду, даже не взглянув на изысканные яства. — Меня тошнит от кунжутного масла.

— Вам нездоровится, господин? У вас глаза красные. — Вопрос вырвался прежде, чем я успела подумать и прикусить язык. Жалость внутри подняла голову и сейчас смотрела на Янь Усина через мои глаза.

— Взор Янь Усина мгновенно прояснился, став острым, как недавно заточенное лезвие меча.

— Тебе платят не за вопросы, Му Жоси, а за послушание

и исполнение приказов.

Он медленно выпрямился, собирая волосы рукой и скручивая их отточенным движением в строгий узел. Вид холодного евнуха вернулся, передо мной сидел безупречный управляющий, а не тот, кто совсем недавно умирал. Хотя он умирал сейчас и продолжал умирать, но он явно показал, где мое место.

— Но раз уж ты здесь, то подойди, — он кивнул на пузырьки, стоящие на его столе. Я приблизилась, чувствуя, как холодеют ноги. Что он собрался со мной делать? Что это? Неужели это то, о чем он говорил вчера? Яды? — Что ты знаешь об аконите?

— Это... цветок? — неуверенно ответила я. Но кажется начала подозревать, какой именно цветок. — Я когда-то его видела. Такой красивый, синий. Растет в горах.

— Красивый, — он усмехнулся злой улыбкой. — Корень аконита, если его правильно высушить и перетереть в порошок, не имеет вкуса. Если добавить щепотку в утренний рис, человек почувствует легкое онемение языка, к вечеру у него начнется жар, на следующий день откажут ноги, а на третий остановится сердце. Лекари скажут: «Злой ветер» или «Сердечная немочь». И никто не найдет следов. Прекрасное растение.

Он взял один из пузырьков и покачал, наблюдая, как пересыпается белый порошок внутри.

— Императорский двор, Му Жоси, это сад, полный таких

цветов. Власть никогда не держалась на генералах с их мечами. Она держится на том, кто вливает вино в чашу императора и кто пробует его еду, хотя эти люди и являются отходным материалом, если тех все же отравляли. Неблагодарная работа, но за счет неё императорская династия до сих пор живет и здравствует. — Он резко протянул мне пузырек. — Понюхай.

Я отшатнулась. Нюхать? Мне? Это? Нет, я не хочу. Может яд попадет внутрь и тогда я умру точно так же, как он описал.

— Боишься? — в его голосе сквозила насмешка. — Правильно. Страх — это щит, но глупый страх — это дыра в щите. В сухом виде он безопасен, если не вдыхать глубоко. Нюхай!

Я испугалась его голоса и подошла ближе, осторожно поднеся пузырек к носу. Запаха почти не было, лишь слабый, едва уловимый аромат мела и сухой травы. Но они были такими далекими, что можно было сказать, это запахи призраки.

— Запомни этот «ничего не значащий» запах, — сказал Янь Усин. — Сегодня ты начнешь учиться. Вон там, на полке, третий свиток слева лежит «Трактат о скрытых угрозах» мастера Ханя. Бери и садись читать.

— А как же мои обязанности? Уборка? — растерялась я.

— Твоя главная обязанность сейчас — не сдохнуть и не дать сдохнуть мне, — грубо отрезал он. — Вчера в Восточном дворце умерла любимая наложница князя Ли. Подави-

лась персиковой косточкой, как многие говорят. А на самом деле её горло распухло так, что она задохнулась за минуту. Кто-то использовал яд черной жабы.

Он тяжело посмотрел на меня не мигая.

— Идет война, Му Жоси, о которой не говорят. Клань делят влияние, используя постель Императора. Ты теперь в центре мишени, потому что ты рядом со мной. Если они не смогут достать меня, они ударят по моим слугам. А теперь садись и читай.

Я торопливо подошла к стеллажу и взяла свиток. Руки дрожали, но я села на циновку в углу кабинета и развернула бамбуковые планки. Иероглифы запрыгали перед глазами. Мышьяк, ртуть, змеиный яд, сок маньчжурского ореха, тысячи способов убить человека, не пролив ни капли крови. От этих названий кровь стыла в жилах, но я понимала, что мне придется все это заучить, иначе я скоро лягу в могилу. Да и в могилу ли тоже вопрос. Может просто выбросят в выгребную яму и все.

Янь Усин вернулся к своим бумагам, больше не обращая на меня никакого внимания. Так и пошло наше время. Иногда я поднимала глаза и смотрела на него, пока он не видел. Янь Усин работал с пугающей сосредоточенностью, подобной только Будде. Он писал указы, проверял счета, ставил печати красной тушью. Но иногда, когда он думал, что я не вижу, он подносил руку к груди, словно ему было больно дышать, и на лице проступала смертельная усталость.

Кто он такой, этот Янь Усин? Евнух, которого боятся министры? Чудовище? Или человек, который взвалил на свои плечи груз, способный раздавить слона? Ответа не было.

К полудню дождь усилился. В дверь постучали и вскоре вошел стражник в доспехах Императорской гвардии, который не поклонился, лишь кивнул.

— Управляющий Янь, — голос стражника был грубым.
— Приказ Императора.

Янь Усин даже не поднял головы от бумаг.

— Я слушаю.

— Его Величество приказал обыскать личные вещи всех служанок Внутреннего Двора. Ищут... украденную драгоценность.

Моё тело окаменело. Я уткнулась в свиток, чувствуя, как холод ползет по позвоночнику. Он точно ищет что-то, что связано со мной. Нет, это невозможно. Может действительно кто-то что-то украл?

— Обыскивайте, — равнодушно бросил Янь Усин. — Мой павильон тоже?

— Его Величество сказал: «Каждый угол».

Стражник сделал знак, и в комнату вошли двое солдат, которые начали бесцеремонно открывать шкафы и перебирать свитки на полках. Янь Усин сидел неподвижно, как статуя, но его костяшки пальцев побелели. Один из солдат подошёл и резко рывкнул:

— Встать!

Я вскочила, выронив свиток. Солдат грубо схватил меня за плечи, ощупывая пояс и рукава грязными, пахнущими псиной руками.

— Чисто, — буркнул он, отталкивая меня.

— Осторожнее, — голос Янь Усина прозвучал тихо, но в нем звенела сталь. — Это моя личная служанка. Портить казенное имущество — значит проявлять неуважение к тому, кто им управляет.

Солдат оглянулся на Янь Усина и хотел сказать что-то грязное, но, встретившись с его ледяным взглядом, промолчал. Когда они ушли, Янь Усин медленно отложил кисть.

— Ты видела? — спросил он.

— Как они раскидали здесь все вещи? Да, господин.

— Он ищет предмет, который мне же и дал. Я сказал ему, что потерял шпильку, но видимо его этот ответ не устроил и он решил обыскать весь дворец. — Янь Усин встал и подошел к окну. — Дунфан Цзинь-Хайлун как ребенок, у которого отобрали игрушку. Но у этого ребенка в руках меч, способный отсечь голову любому в этой империи. В этом то и проблема. — Он взглянул на меня. — Ты должна стать невидимкой, научиться ходить так, чтобы не скрипели половицы, дышать так, чтобы не колебалось пламя свечи и главное — ты должна научиться врать не только словами, но и телом. Твое сердце билось так громко, когда солдат подошел к тебе, что я слышал его через всю комнату. Это недопустимо.

— Как мне этому научиться? — спросила я с отчаянием.

Абсурд полный. — Я всего лишь дочь бедного ученого, а не шпионка!

— Страх — лучший учитель, — ответил он. — А теперь идем. Пора проверить, как ты усвоила первый урок.

Глава 4.2

Император Дунфан Цзинь-Хайлун

Дунфан Цзинь-Хайлун смахнул со стола стопку докладов министров, и свитки покатались по полу. Евнухи, стоявшие вдоль стен, вжались в панели, стараясь слиться с рисунком обоев.

— Ничего? — тихо спросил Император.

— Ничего, Ваше Величество, — дрожащим голосом ответил начальник стражи, стоя на коленях. — Мы обыскали все бараки служанок. Западное крыло, восточное и хозяйственные дворы. Мы проверили вещи трех тысяч женщин. Деревянных шпилек — сотни, но ни одной похожей на ту, что вы нашли у себя в покоях. Она исчезла, и никто не сознается, кто её брал или видел. И тем более никто не видел посторонних в ту ночь.

Дунфан Цзинь-Хайлун подошел к окну. Дождь заливал Запретный город, превращая его в размытую акварель. Она исчезла, как утренний туман. Может, это действительно был сон? Может, он перепил вина, и ему привиделась эта девушка, похожая на испуганную лань, с отзывчивым, как глина телом? Нет, она точно ему не привиделась. Это невозможно. Она реальна. Он помнил вкус её кожи, как она сжималась, ожидая боли, и как раскрывалась навстречу наслаждению, не в силах сдержать стоны. И эта женщина посмела от него

сбежать, от Сына Неба?

В груди kloкотало темное чувство, по коже пробежались мелкие чешуйки, появился ветер. Он хотел найти её, завладеть ею и сломать, чтобы после этого она смотрела на него с обожанием. А потом... потом, когда она наскучит ему, он, возможно, подарит ей шелковый шнурок. Но сейчас она была нужна ему как воздух.

— Расширить поиск, — приказал он, глядя на мокрый сад. — Проверить еще раз кухни, прачечные, личных слуг высших чиновников. Проверить дворцы наложниц, вдруг какая-то хитрая змея спрятала её у себя.

— Но, Ваше Величество... — начальник стражи замялся. — Обыскивать дворцы наложниц... Это вызовет недовольство кланов. Они сочтут это недоверием.

Дунфан Цзинь-Хайлун резко обернулся, глаза полыхнули золотым огнем, а зрачок вытянулся.

— Я — Император! — его голос сорвался на рык. — Мое недоверие — это закон! Если я захочу, то сожгу их дворцы вместе с ними! Ищите! И приведите мне художника. Я опишу её.

— Но... вы говорили, что было темно, Ваше Величество.

— Я помню её силуэт и глаза. Художник нарисует и вы развесите портреты на каждом воротах. Я найду её, даже если она спряталась в преисподней.

Он снова отвернулся к окну. Дождь усиливался, смывая следы, но не смывая пожар в его крови.

— Ты моя, — прошептал он, сжимая подоконник так, что дерево треснуло. — Где бы ты ни была.

Му Жоси

Вечер опустился на павильон раньше обычного из-за грозовых туч. В кабинете Янь Усина зажгли свечи. Я стояла перед столом, глядя на две чашки чая, которые он поставил передо мной.

— Проверка, — сказал он. — Ты читала трактат четыре часа, теперь нужны практические знания.

Он указал на одинаковые чашки из белого фарфора. В обеих был зеленый чай, пар поднимался одинаковыми струйками.

— В одной чашке чистый чай, — пояснил он спокойным голосом.. — В другой — чай с добавлением Слезы вдовы. Это яд, который не имеет запаха, но меняет плотность воды. Если присмотреться, поверхность жидкости в отравленной чашке натягивается сильнее, а пузырьки у краев лопаются медленнее.

У меня пересохло в горле.

— И что я должна сделать?

— Выбрать и выпить.

— Вы... вы шутите? — Я посмотрела на него в ужасе.

— Я никогда не шучу с ядами, Му Жоси. Если ты ошиблась и плохо читала, то выпьешь яд. Слезы вдовы вызывают сильные спазмы в желудке и рвоту, но не убивают, если до-

за мала. Это будет хорошим уроком, ведь боль запоминается лучше слов. Если выберешь правильно, то просто попьешь чаю.

Он откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди. На его губах играла едва заметная, жестокая улыбка.

Я посмотрела на чашки, которые были абсолютно одинаковые, и наклонилась ниже, вглядываясь в жидкость, отчего пар щекотал лицо.

«Пузырьки лопаются медленнее...»

В левой чашке пузырьки у края, казалось, застыли на мгновение, прежде чем исчезнуть, в правой же они исчезали мгновенно. Или мне это кажется, и это всего игра света? Руки вспотели. Если я выпью яд, то буду корчиться в муках на этом полу, а он будет взирать сверху вниз.

— Время идет, чай остывает, — поторопил Янь Усин. — Остывший яд определить еще труднее.

Я закрыла глаза на секунду, вспоминая текст свитка. «Слезы вдовы делают воду тяжелой, как масло...» Снова посмотрела на чашки. Левая казалась чуть более... густой? Нет, это невозможно увидеть глазом! Стоп. Запах. Он сказал, что яд не имеет запаха. Но сам чай пахнет! Если добавить что-то в чай, аромат чая должен измениться и стать слабее, потому что маслянистая пленка не дает маслам испаряться так свободно.

Понюхала правую чашку, в нос вплывал яркий, травянистый аромат. Понюхала левую. Запах был, но словно приглу-

щенный и запертый под крышкой. Медленно протянула руку к правой чашке и взглянула на Янь Усина. Его лицо было как камень, который невозможно было прочесть. Он не подал ни знака.

Я взяла чашку дрожащими пальцами, расплескивая горячий напиток.

— Пей, — приказал он.

Поднесла чашку к губам и сделала глоток, жар обжёг горло. Я замерла, прислушиваясь к ощущениям в животе. Кшана[1], вторая, третья. Ничего. Только тепло и вкус хорошего чая. Я выдохнула, и ноги подкосились. Я едва успела поставить чашку на стол, чтобы не уронить её. Янь Усин медленно похлопал в ладоши ровно три раза, и эти хлопки звучали как издевательство.

— Неплохо. Ты наблюдательна. Или везуча.

Он взял левую чашку, которую я посчитала отравленной и... выпил её залпом. Я вытаращила глаза.

— Но... она же отравлена?!

— Нет, — спокойно ответил он, ставя пустую чашку. — Обе были чистыми.

Во мне вспыхнул гнев.

— Вы... вы солгали?! Вы заставили меня выбирать между жизнью и смертью, а это была просто игра?!

— Это была не игра, — его голос стал жестким, — а проверка твоей решимости. Ты справилась с обдумыванием, но провалилась с самообладанием. Ты дрожала и колебалась.

Если бы за этим столом сидел враг, он бы понял, что ты сомневаешься, и заставил бы тебя выпить другую чашку. — Он встал и подошел ко мне вплотную, отчего его тень накрыла меня с головой. — В следующий раз одна из них действительно будет с ядом, и я не скажу какая. Привыкай жить с мыслью, что каждый глоток может стать последним. Это цена за жизнь в моем доме и за то, что я скрываю тебя от Дракона.

Я смотрела на него снизу вверх, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони, и ненавидела его. Особенно его спокойствие, власть и жестокие уроки.

Но где-то глубоко внутри, даже несмотря на то, что я его сейчас ненавидела и злилась, я испытывала к нему уважение. Янь Усин учил меня выживать. Да, он был жестоким учителем, но в этом безумном дворце, где улыбка может означать смертный приговор или нож под рукавом, жестокая правда была ценнее сладкой лжи.

— Спасибо за урок, господин, — процедила сквозь зубы, отчего он одобрительно усмехнулся.

— Иди спать, Му Жоси, завтра будет трудный день. Мы идем во Внешний двор, нужно проверить поставки шелка, и ты пойдешь со мной.

— Во Внешний двор? — испугалась я. — Но там много людей! Стража...

— Ты моя тень, а тени никто не замечает. И надень вуаль. Скажем, что у тебя обезображено лицо небесным недугом.

Это отпугнет любопытных.

Он повернулся спиной, давая понять, что разговор окончен. Я вышла из рабочего зала, чувствуя, как злость все еще бурлит в крови. Этот человек сумасшедший. Янь Усин играл жизнями, как костями в маджонг, и теперь я была одной из его костей.

[1] Кшана — миг.

Глава 5

Я сидела перед бронзовым зеркалом, вдыхая аромат сырости, а Янь Усин стоял у меня за спиной, держа в руках тонкую палочку с красноватой пастой, от которой исходил сильный запах.

— Не дергайся, — приказал он, когда я невольно отшатнулась от его руки.

— Что это, господин? — прошептала я, глядя в отражение.

— Твоя броня, — коротко ответил он и коснулся моей щеки холодной и липкой пастой.

Янь Усин наносил пятна хаотично, но с точностью. На моем чистом лице появлялись уродливые красные отметины, похожие на следы недавно перенесенного небесного недуга или другой дурной болезни.

— Красота в этом дворце — это огонь, привлекающий зверей, — говорил он тихо, продолжая свою работу. Его дыхание шевелило волоски у меня на голове, вызывая странную дрожь. — Уродство же делает тебя невидимой. Люди отводят взгляд от уродства, потому что брезгуют, а брезгливость — лучший страж, чем сотня солдат.

Я смотрела в зеркало и видела, как исчезает Му Жоси, которую возжелал Император, и капля за каплей красной пасты на её месте появлялась рябая, больная служанка, на которую

не посмотрит даже нищий.

— Теперь вуаль, — он отложил палочку и протянул мне кусок плотного белого шелка. — Она скроет основное, но если ветер приподнимет ткань, то эти пятна отобьют у любого желание смотреть дальше.

Я завязала вуаль на затылке, отчего теперь были видны были только мои глаза.

— Глаза... — Янь Усин нахмурился, глядя на меня в упор. — Твои глаза слишком живые. Смотри в пол и представь, что ты пыль.

— Я — пыль, — повторила я послушно, опуская ресницы.

— Хорошо. Идем. Держись на шаг позади меня и не говори, пока к тебе не обратятся. Если спросят имя, то ты немая. Я сам буду говорить за тебя.

Мы вышли из павильона, дождь кончился, но небо все так же тяжело нависало над нами. Мы направлялись к воротам, разделяющим внутренний двор, где жили женщины и евнухи, и внешний двор, где вершилась политика.

Переход границы миров ощущался всем телом. Сам воздух изменился. Во внутреннем дворе пахло цветами и благоуханиями, то во внешнем кожей, металлом и лошадиным потом. Здесь ходили чиновники в строгих халатах, генералы в доспехах и гонцы с сумками через плечо. То тут то там слышались крики, ржание коней и скрип повозок.

Я сжалась, стараясь стать меньше. Казалось, что каждый взгляд прожигает мою вуаль насквозь. Мне чудилось, что

сейчас кто-то крикнет: «Это она! Держите беглянку!» Но никто не обращал на меня внимания, только все расступались перед Янь Усином. Его темно-синие одежды и нефритовая подвеска на поясе действовали как какой-то талисман даоса. Чиновники кланялись ему, лгисто улыбаясь, но в их глазах отражались страх и ненависть. «Евнух», «Пёс», «Змея». Вот что читалось в их взглядах.

Янь Усин шел с гордо поднятой головой, не замечая этих невидимых слов, или делая вид, что не замечает. Ему было все равно. И вот мы пришли в Управление Шелка и Парчи. Вокруг огромного здания, заставленного тюками с тканью, стоял гул голосов торговцев и писарей.

— Управляющий Янь! — к нам подбежал толстый чиновник, потев от усердия. — Какая честь! Мы не ждали вас лично! Думали, вы пришлете помощника.

— Император недоволен качеством последнего подношения из Ханчжоу, — холодно произнес Янь Усин, не тратя времени на приветствия. — Красный шелк для наложницы Ли полинял после первой же стирки. Это недопустимо.

Толстяк побледнел и начал трястись, как желе.

— Но... но это лучший шелк! Шелкопрядов кормили только свежими листьями...

— Мне не интересны оправдания. Мне нужны накладные и виды тканей новой партии.

Янь Усин прошел вглубь склада, и я последовала за ним, не отставая ни на шаг. Он начал проверять ткани быстрыми

и жесткими движениями. Он рвал их, проверяя прочность, и тер их белым платком, проверяя краску.

Я стояла в стороне, держа его письменный прибор, наблюдала за ним и понимала, что в своей стихии он был бесподобен. Многие бы просто кричали или топали ногами, но он просто брал и делал, и за это ему ничего не будет, потому что он в своем праве и власти, дарованной Императором. И люди, стоящие рядом с ним, бледнели от одного его тихого замечания, его незамутнённого ума и жестокости. И тут у входа в склад возник громкий шум.

— Где этот кастрированный червь?! Мне сказали, он здесь! — грубо прорычал незнакомец. И от этого голоса у меня все внутри похолодело.

В помещение вошел высокий мужчина в полных боевых доспехах. Шрам пересекал его лицо от брови до подбородка, придавая ему свирепый вид, за ним следовала свита из молодых офицеров. Это был генерал Гун Лэй, командующий Северной армией, заклятый враг всех евнухов. Но главное — Янь Усин даже не обернулся, только продолжал рассматривать кусок голубой парчи. Для него этот шум был как писк комара.

— Управляющий Янь! — рявкнул генерал, подходя ближе, специально громко топая тяжелыми сапогами, чтобы создать шум. — Я слышал, ты забрал весь запас плотного хлопка для своих неженков во внутреннем дворе? Моим солдатам нечего подкладывать под доспехи!

Янь Усин медленно повернулся, показывая лицо выражающее скуку.

— Генерал Гун Лэй, — произнес он ровным голосом. — Во-первых, здравствуйте. Во-вторых, хлопок был перераспределен по указу Министерства Финансов. Если у вас есть претензии к бюджету, то обращайтесь к Министру. Я лишь исполняю волю Неба.

— Волю Неба? — генерал сплюнул на пол прямо рядом с дорогим шелком. — Ты исполняешь только свою жадность! Вы, крысы, тащите всё в свои норы, пока мои люди гниют в окопах!

Он сделал шаг к Янь Усину, нависая над ним горой металла. Янь Усин даже не шелохнулся, только смотрел на генерала снизу вверх, но казалось, что это он смотрит сверху.

— Не забываетесь, генерал, — тихо сказал Янь Усин. — Вы говорите с представителем Императора. Оскорбляя меня, вы оскорбляете его выбор.

Генерал побагровел, его кулаки сжались, ему хотелось ударить Янь Усина, но ударить главного евнуха при свидетелях — это бунт. И тут его взгляд заметался в поиске жертвы и упал на меня. Я стояла, вжав голову в плечи и сжимая в руках тушечницу. Маленькая, незаметная фигурка в вуали. Вдруг меня не заметят или не станут обращать внимания. Но, кажется, с этим я просчиталась.

— А это еще кто? — генерал прищурился. — Новая подстилка? Ты теперь таскаешь своих шлюх даже на государ-

ственные склады?

— Это моя служанка, — спокойно ответил Янь Усин, но я заметила, как напряглась его спина. — Она помогает мне с записями.

— Служанка... — генерал усмехнулся и шагнул ко мне.

Я попятилась, пытаюсь отойти от него дальше, но как назло уперлась спиной в стеллаж с тканями. Бежать было некуда. Он приблизился ко мне, и я слышала его противный запах — смесь перегара после вина, чеснока и старой несмытой крови, которая пахла хуже испорченных яиц.

— Почему лицо закрыто? — он протянул руку к моей вуали. — Прячешь красоту? Или наоборот? Дай-ка взглянуть. Говорят, евнухи выбирают себе самых сладких девочек, чтобы просто смотреть на них и плакать о своих потерянных яйцах.

Свита генерала громко загоготала. Я же только зажмурилась. Если он сорвет вуаль и увидит пятна, то это будет полбеда, но если решит проверить, настоящие ли они, вот тогда будет очень плохо.

Его рука почти коснулась моего лица и вдруг между нами возникла черная тень Янь Усина, встав между мной и генералом, перехватив его запястье. Все шумы и голоса смолкли, офицеры и слуги взирали на евнуха, посмеявшегося коснуться генерала, которого никто не смел касаться.

— Не стоит, генерал, — мягко проговорил Янь Усин, но несмотря на мягкость, в этих шелках отчётливо просвечи-

вались спрятанные ножи. — Эта девушка больна небесной хворью. Лицо изуродовано язвами, которые сочатся гноем. Лекари говорят, что это может быть заразно при касании. Я держу ее только из жалости и потому, что она хорошо считает. Вы ведь не хотите, чтобы ваши доблестные руки покрылись струпьями перед походом?

Генерал замер, словно превратившись в камень. Он не подумал, что служанка, которая закрывала лицо перед ним, на самом деле может так тяжело болеть. Гун Лэй с отвращением вырвал руку и вытер её о свой плащ.

— Тьфу! Мерзость! — он отшагнул назад, глядя на меня с брезгливостью. — Зачем ты таскаешь за собой эту чумную крысу?!

— Каждому свое, — пожал плечами Янь Усин. — Кто-то любит блеск золота, а кто-то ценит верность даже в уродливой оболочке. Мы закончили, генерал? У меня много дел.

Генерал сплюнул еще раз, бросил на Янь Усина ненавидящий взгляд и, развернувшись, рывкнул своим людям:

— Уходим! Здесь воняет!

Они вышли из дома, грохоча сапогами, и в эту же кшану напряжение в зале начало спадать. Писари снова зашелестели бумагами, поглядывая на Янь Усина с еще большим страхом. Но Янь Усину было плевать.

— Ты цела? — спросил он тихо, развернувшись ко мне.

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Ноги дрожали так, что я едва стояла.

— Идем, — он жестко, но крепко взял меня под локоть, не давая упасть. — Мы закончили здесь.

Мы вышли на широкую улицу внешнего двора. У каменных ступеней управления нас уже ожидал темный закрытый паланкин, который молча держали на плечах четверо крепких слуг в одеждах Павильона Холодной Яшмы.

У меня перехватило дыхание, и я невольно запнулась на полушаге. Езда в паланкинах в пределах Запретного города всегда была исключительной привилегией монаршей семьи. Ни один чиновник, даже самый выдающийся министр, не смел передвигаться здесь не на своих двоих. То, что Янь Усину даровали это немыслимое право, кричало о его почти безграничной власти над Сыном Неба лучше любых слов.

Янь Усин властным жестом приказал мне забраться внутрь первой. Как только мы оказались на узких сиденьях, плотные шторы опустились, мгновенно отрезая нас от внешнего мира. В полумраке тесной кабинки я наконец выдохнула и стянула вуаль, чтобы глотнуть воздуха.

— Спасибо... — прошептала я, схватив себя за плечи. Тело била мелкая дрожь, я пыталась её подавить, но не получалось. — Вы спасли меня.

Янь Усин сидел напротив, прикрыв глаза, и выглядел уставшим.

— Я спасал свою честь, — сухо ответил он, не открывая глаз. — Если бы он увидел твое лицо, то понял, что я привел во внешний двор красавицу, ведь нарисованные пятна не

сильно скрывают твою внешность. Пошли бы слухи, которые бы дошли до Императора. Мне эти неприятности не нужны.

— Все равно спасибо, — упрямо повторила я, подавляя дрожь в голосе, и Янь Усин открыл свои бездонные глаза.

— Ты испугалась его? — спросил он.

— Да. Он... он страшный.

— Гун Лэй — мясник. У него нет мозгов, только сила. Таких легко обмануть. Бояться надо тех, кто улыбается и подаст тебе чай, а не тех, кто орет и машет мечом. Первого нужно еще отыскать.

Он наклонился ко мне и протянул руку, заставив меня замереть, и коснулся красного пятна на моей щеке большим пальцем, слегка размазывая пасту.

— Поплыло, — заметил он. — Ты вспотела от страха.

Его палец скользнул по моему подбородку. Я чувствовала его холод и как он медленно им водил. Это прикосновение было таким... неправильным. Так евнух не должен касаться обычной служанки. Это недопустимо. В тесноте паланкина, где наши колени почти соприкасались, стало тяжело дышать.

Он смотрел на мои губы тяжелым, темным взглядом. На мгновение я увидела не его образ евнуха, а то, что оказывается было скрыто. Я видела мужчину, который прикасался ко мне так, как не должен был.

— Господин, — тихо обратилась я к нему. — Вы могли бы отдать меня Императору и даже получить награду, но вместо этого возитесь со мной. Я вам приношу неприятности. Зачем

вы так подставляетесь ради проблемы вроде меня?

Он резко остановился там, где билась моя жилка на горле, и сильнее нажал, чувствуя, как сильно она бьется. От его прикосновений, которые были мне непонятны, становилось трудно дышать. Меня словно сковали, не давая двигаться, я чувствовала, как жар приливает к моим щекам.

— Потому что Император ломает свои игрушки, Му Жоси. Я об этом уже рассказывал, — проговорил он низким голосом, от которого внутри все сжалось. — А я... я люблю чинить то, что сломано или создавать что-то новое из обломков. Ты — моя поломанная вещь. Я хочу посмотреть, сможешь ли ты выжить в этом пруде с хищными рыбами, или мне придется смотреть, как тебя разрывают на части.

— Вы жестоки.

— Я честен, что редкость в этом мире. — Он убрал руку и откинулся назад, снова превращаясь в кусок льда. — На день вуаль, мы подъезжаем к воротам внутреннего двора. И заруби себе на носу: генерал Гун Лэй запомнил тебя. Теперь ты для него моя «больная игрушка». Он попробует ударить по тебе, чтобы уязвить меня. Будь к этому готова.

Я натянула вуаль, скрывая горящее лицо. Паланкин качнулся, останавливаясь.

Вечером, когда я смывала красную краску с лица, в мою дверь тихонько поскреблись. Открыв створку, на пороге никого не оказалось, только на полу лежал маленький бумаж-

ный сверток, где внутри лежала засахаренная слива, редкое лакомство, которое подают только к столу высших чиновников, и записка, написанная изящным, острым почерком Янь Усина:

«Горечь страха лучше заедать сладким. Завтра начинаем изучать яды животных. Не опаздывай».

Я положила сливу в рот, ощущая сладость с небольшой кислинкой и улыбнулась. Впервые я ела что-то такое дорогое и вкусное в этом месте за все время своей работы.

Император Дунфан Цзинь-Хайлун

Дунфан Цзинь-Хайлун стоял перед портретом, где художник, старик с трясущимися руками, закончил работу и теперь стоял на коленях, ожидая вердикта. На шелковом полотне была изображена девушка, на которую Император долго взирал. Художник уловил форму глаз, но не сумел передать суть. На портрете глаза были просто красивыми, а у Нее... у Нее в глазах была бездна. И губы не те. Здесь они были сложены в обыкновенную полуулыбку красавицы, а вот её губы были припухшими и искусанными, как ему казалось.

— Не то, — тихо сказал Дунфан Цзинь-Хайлун, взял кисть, обмакнул ее в красную тушь и резко перечеркнул лицо. Художник вскрикнул и упал лицом в пол.

— Простите, Ваше Величество! Я бездарен и заслуживаю смерти!

— Убирайся, пока я не передумал и не велел отрубить

тебе руки, — махнул рукой Дунфан Цзинь-Хайлун.

Художник, пятясь, выполз из зала, и Император остался один, смотря, как красная тушь текла по нарисованному лицу, как кровавые слезы, и чувствовал, как внутри растет пустота, которую нужно было чем-то заполнить. Вином? Женщинами? Войной? Ничего не помогало. Она стала наваждением. Призраком, который явился к нему и исчез.

— Где же ты? — прошептал он в тишину. — Неужели ты испарилась? Или... кто-то прячет тебя?

Император подошел к окну, где открывался вид на Запретный город с тысячами крыш и миллионами углов, где можно было спрятаться. Вдруг его взгляд зацепился за далекий павильон Холодной Яшмы, маленькую резиденция Янь Усина, которую он даровал, где горел свет в одном окне.

Янь Усин... Его верный пес и тень. Единственный человек, которого Дунфан Цзинь-Хайлун уважал за ум, но которого инстинктивно опасался. Янь Усин был слишком идеален и холоден. Что если... Нет, невозможно. Янь Усин — евнух. Ему не нужны женщины. Он презирует их. И все же...

Дунфан Цзинь-Хайлун прищурился.

— Надо бы навестить моего верного управляющего, — сказал он самому себе с холодной улыбкой. — Просто так, по-дружески. Выпить вина и посмотреть ему в глаза. Может они мне покажутся бесстыжими.

Глава 6

Прошло несколько дней, которые по ощущениям длились год. Мой мир сузился до четырех стен рабочего зала Янь Усина, пыли на книгах и строчек ядов, которые я зубрила до рези в глазах.

Янь Усин оказался учителем безжалостным, который не прощал ошибок. Если я путала свойства Красного паука и Слюны жабы, то он лишал меня ужина. Если забывала последовательность противоядий, то он заставлял меня стоять на коленях на крупе, пока я не пересказывала главу наизусть без единой запинки.

— Боль дисциплинирует ум, — говорил он, не отрываясь от своих свитков, пока я шипела сквозь зубы от боли в коленях. — Твоя память должна быть острее меча. Меч может затупиться, память — нет.

Но были и другие моменты, которые сбивали меня с толку и пугали больше, чем наказания. Иногда, поздно вечером, когда мы заканчивали работу, он откладывал образ тирана, заваривал чай и наливал мне пиалу. Мы сидели в тишине, слушая, как ветер шуршит в бамбуковой роще. В эти минуты он казался... одиноким. Не всесильным управляющим, а человеком, несущим на плечах небо, которое вот-вот рухнет.

В один из таких вечеров я сидела на полу, растирая тушь для его письма. Янь Усин писал что-то, но вдруг остановил-

ся и посмотрел на мою руку, где на запястье остался синяк, происхождение которого я не помнила.

— Болит? — спросил он тихо.

— Немного, господин. Пройдет, — ответила я, не отвлекаясь от своего дела.

Он поднялся, подошел к шкафчику с лекарствами и достал маленькую баночку из зеленого нефрита.

— Дай руку.

Я вновь взглянула на него и нехотя протянула запястье. Он сел рядом на корточки, чем очень удивил, зачерпнул пальцем немного мази и начал втирать её в мою кожу круговыми, медленными движениями.

Его прикосновения были прохладными, но от них по моей руке поднимался жар. Я смотрела на его опущенные ресницы, на четкую линию скул, на губы, которые всегда были плотно сжаты, и понимала, насколько он был красив. И что он был евнухом.

— Зачем вы это делаете? — вырвалось у меня шепотом.
— Я всего лишь служанка. Инструмент, который вы используете. Вы сами так сказали.

Янь Усин не поднял глаз, продолжая массировать мое запястье.

— Инструмент нужно содержать в порядке, Му Жоси. Ржавый клинок сломается в бою, а ты... ты мне еще пригодись.

Он поднял свои темные глаза, и наши лица оказались в

опасной близости. В глубине его темных глаз я увидела что-то, что заставило мое сердце пропустить удар. В его омутax словно отражался весь голод и тоска одиночества, какую он носил в себе.

В этот момент снаружи раздался громкий, протяжный удар гонга у врат Небесной Чистоты. А затем еще один и еще. Янь Усин замер, рука на моем запястье сжалась так сильно, что мне стало больно, но его лицо мгновенно окаменело. Образ властного евнуха вернулся на место за кшану.

— Император, — выдохнул он.

— Что? — вскочила, прижимая руку к груди. — Здесь? Сейчас? Но уже ночь!

— Дунфан Цзинь-Хайлун не знает расписания, — Янь Усин поднялся, быстро отряхивая халат. — Он идет сюда.

Паника ледяной волной накрыла меня. Если он придет сюда, то найдет меня. Он дракон, может он меня учует, как пес.

— Мне нужно спрятаться! — заметалась по комнате. — В подвал? На чердак?

— Поздно, — резко сказал Янь Усин. — Стража уже во внешнем дворе. Если ты побежишь, то тебя увидят. — Он оглядел комнату цепким взглядом. — Вон туда. — Он указал на ширму в углу комнаты, за которой была ниша для переодевания. Это была даже не комната, а крошечный закуток, отделенный от кабинета лишь расписным шелком и тонкой деревянной перегородкой.

— Но... это же рядом! Он услышит, как я дышу! — попятилась.

— Это единственное место, которое не просматривается от входа, — Янь Усин схватил меня за плечи и почти втолкнул за ширму. — Слушай меня внимательно, Му Жоси. Сядь на пол, зажми рот рукой, не шевелись и не дыши. Превратись в камень. Если ты издашь хоть звук — то мы оба мертвецы. Ты поняла?

Он смотрел на меня сверху вниз, но сейчас он был не моим господином. Его брови нахмурились, а в глазах плескалось отчаяние и мольба. Я застыла и смотрела на Янь Усина, не в силах отвести взгляд. Он боялся за меня, и почему-то от этого горько защемило в груди.

— Я поняла, — прошептала я.

— И спрячь руки. Запах мази слишком резкий.

Я спрятала руки в рукава. Янь Усин задернул ширму, оставив меня в темноте. Я сжалась в комок на холодном полу, и через кшану дверь павильона с грохотом распахнулась.

— А я думал, ты уже спишь, мой верный друг! — прозвучал низкий, властный голос, от которого внутри у меня все оборвалось. Это был тот самый голос, что стонал мне в ухо в ту злосчастную ночь. Император Дунфан Цзинь-Хайлун.

Тяжелый уверенный звук шагов прошелся по залу так, словно вошедший был хозяином этого мира. Более легкие шаги, следующие за Императором, остались у дверей, не смея войти.

— Ваше Величество, — голос Янь Усина звучал ровно, с идеальной почтительностью и удивлением, по шелесту ткани я определила, что он опустился на колени. — Этот ничтожный раб не ожидал столь высокого визита. Живите десять тысяч лет. Прошу прощения за мой внешний вид, я не успел надеть парадный убор.

— Встань, встань, Янь Усин, — в голосе Императора слышалась насмешка. — К чему эти церемонии? Мы не в Тронном зале. Я пришел как гость и как друг. Разве я не могу навестить своего управляющего, который так усердно трудится, что у него даже нет времени на сон?

Звук шагов приблизился, Император ходил по залу, беря предметы со стола и перебирая свитки.

— Ты работаешь над отчетами о поставках риса? — спросил Дунфан Цзинь-Хайлун.

— Да, Ваше Величество. Южные провинции задерживают налоги. Приходится пересчитывать каждую меру.

— Скучно, — зевнул Император. — Скучно, Янь Усин. Ты закапываешь свою жизнь в бумагу, а жизнь проходит мимо. Вино!

— Сейчас принесут, Ваше Величество.

— Нет! — резко оборвал Дунфан Цзинь-Хайлун. — Не зови слуг. Я не хочу видеть ничьих лиц. Эти лъстивые рожи мне надоели. Ты сам налей. У тебя ведь есть тот сливовый эликсир, что прислали из монастыря Шаолинь?

— Конечно.

Звон посуды, бульканье жидкости и запах вина долетели даже до моего убежища. Я сидела, вцепившись пальцами в подол платья, и молилась всем богам, чтобы мое сердце перестало стучать так громко. Казалось, что этот стук сотрясает стены.

— За победу, — произнес Император. — И за... поиски.

— За победу, — эхом отозвался Янь Усин.

Они выпили.

— Кстати, о поисках, — тон Императора изменился, став вкрадчивым и опасным. — Мои люди перевернули весь дворец вверх дном. Трижды. И ничего. Ни капли следа, как будто она растворилась в воздухе. Или... как будто кто-то очень умный помогает ей прятаться.

Все звуки стихли; уверена Янь Усина эти слова поставили в тупик.

— Вы подозреваете кого-то конкретного, Ваше Величество? — спокойно спросил Янь Усин.

— Я подозреваю всех, Янь Усин. Всех. Даже собственную тень.

По скрипу половицы стало понятно, что Император подошел ближе к моей ширме. Я зажала рот обеими руками, чувствуя, как слезы подступают к глазам. Он был так близко, практически в двух шагах. Тонкий слой шелка отделял меня от человека, который перевернул мою жизнь и который жаждал уничтожить меня.

— Скажи мне, Янь Усин, — голос Императора звучал те-

перь совсем рядом. — Ты ведь знаешь всё, что происходит во внутреннем дворе. Ты знаешь каждую крысу, каждую щель. Неужели ты не заметил ничего странного в ту ночь?

— Я уже докладывал, Ваше Величество. Я был в своих покоях, готовил доклад для утренней аудиенции. Стража на моих воротах не видела никого постороннего.

— Хм... — Император хмыкнул. — Странно. Очень странно. А что это за запах?

У меня кровь застыла в жилах. Мазь! Все из-за неё!

— Запах? — спокойно переспросил Янь Усин.

— Да. Пахнет лекарствами. Камфорой и мятой. У тебя что, болит спина?

— Это от мигрени, Ваше Величество, — быстро ответил Янь Усин. — Я втирал мазь в виски перед вашим приходом. Голова раскалывается от цифр.

— Бедняга, — в голосе Императора не было ни капли сочувствия. — Тебе нужно больше отдыхать. Или... найти себе кого-то, кто будет делать массаж. Кстати, генерал Гун Лэй рассказывал мне забавную историю. Говорит, видел тебя на складе с какой-то новой служанкой в вуали и что у неё страшная болезнь лица.

— Да, есть такая, — подтвердил Янь Усин. — Бедная девушка. Умная, считает хорошо, но лицо... на него больно смотреть. Я держу её из милосердия.

— Из милосердия... — задумчиво протянул Император. — Это на тебя не похоже. Ты обычно избавляешься от сло-

манных вещей. Покажи мне её.

Мир рухнул. Все, это конец. Меня нашли.

— Кого, Ваше Величество? — голос Янь Усина стал чуть тверже.

— Ту служанку. Я хочу посмотреть на неё. Вдруг лекари ошиблись, и её можно вылечить? У меня есть прекрасные мази из заморских стран. Позови её.

Я зажмурилась. Сейчас Янь Усин позовет меня, я выйду, и Император увидит мою фигуру и руки.

— Она спит, Ваше Величество, — твердо сказал Янь Усин. — Она живет в бараке для больных слуг, на окраине хозяйственного двора. Я не пускаю заразных в свой павильон ночью.

Янь Усин открыто лгал прямо в лицо Сыну Неба. Если Император прикажет послать стражу в тот барак и проверить... то Янь Усину отрубят голову за вранье.

Дунфан Цзинь-Хайлун молчал и только постукивал пальцами по столу. Тук. Тук. Тук. Каждый удар словно был ударом молота по гвоздям, забивающим крышу моего гроба.

— Жаль, — наконец сказал он. — Я хотел проявить доброту. Ну что ж, пусть спит. Больным нужен сон. — Половица резко скрипнула, заставив меня вздрогнуть. — Я пойду, Янь Усин. Вино у тебя хорошее, но компания... ты слишком напряжен. Расслабься и дыши. И если вдруг... — он сделал паузу, — если вдруг ты вспомнишь что-то, или увидишь что-то необычное... ты ведь скажешь мне первому?

— Разумеется, Ваше Величество. Моя верность принадлежит только вам.

— Я знаю, — голос Императора стал холодным. — И надеюсь, что она не треснет, как плохой фарфор. — Шаги направились к двери. — Ах да, — остановился он на пороге. — Забыл сказать. Завтра во дворце будет большой праздник. Я хочу, чтобы все управляющие были со своими свитами, и ту «больную» служанку тоже возьми. Пусть посчитает расходы на огненные цветы. Хочу посмотреть, как она работает.

Дверь хлопнула. Я сидела, не смея пошевелиться. Ушел ли он? Или это ловушка? Или он стоит за дверью и слушает?

— Выходи, — голос Янь Усина прозвучал глухо.

Я отодвинула ширму дрожащими руками, ноги затекли и не слушались, я практически выползла наружу. Янь Усин стоял посреди комнаты, опираясь руками о стол. Его голова была опущена, волосы скрывали лицо, он тяжело дышал. Я подползла к нему и увидела, что по его виску течет капля пота. Этот вид немного сбивал с толку, я впервые видела Янь Усина, железного человека, таким.

— Он... он знает? — прошептала я, уже зная ответ. Император все понял, теперь скрываться будет сложно.

Янь Усин раскрыл глаза, взглянув на меня черными провалами, где плескались ужас и гнев.

— Он играет, — прохрипел он. — Он кошка, а мы мыши. Император не поверил мне про барак, потому что знает, что я что-то скрываю, но пока не знает что именно. Он хочет

увидеть тебя завтра при свете дня, чтобы убедиться в своих мыслях.

Он схватил чашку с недопитым вином и швырнул ее в стену. Фарфор разлетелся на тысячи осколков, красное вино брызнуло на шелковые обои, как кровь.

— Проклятье! — заорал он, и я вздрогнула. — Он загоняет меня в угол! Завтра... завтра он будет смотреть на тебя, и если он узнает хоть жест, хоть поворот головы... — Он повернулся ко мне, схватил меня за плечи и встряхнул. — Ты должна быть безупречна, Му Жоси! Завтра ты наденешь маску не просто уродства, а старости. Ты будешь хромать, горбиться и изменишь голос. Ты поняла?!

Я испуганно смотрела на него и понимала, что он боялся не только за себя, ведь его казнят за ложь. Он боялся за меня, ведь моя жизнь стала залогом его выживания. Как-то так вышло, что мы стали связаны одной цепью, которая не давала нам отойти друг от друга дальше, и именно эта цепь тянула на дно.

— Я сделаю все, господин, — сказала я твердо, накрывая его руки своими ладонями. — Я стану старухой, калекой, тенью. Он никогда не узнает меня.

Янь Усин замер и посмотрел на мои руки на своих плечах. Его дыхание выровнялось, безумие в глазах начало уступать место холоду.

— Хорошо, — выдохнул он, отступая на шаг и убирая руки. — Хорошо. — Он прошелся по комнате, перешагивая

через осколки чашки. — Убирайся к себе, — бросил он, не глядя на меня. — Мне нужно подумать и подготовься. Завтра мы идем в пасть к тигру.

Я поклонилась и пошла к двери, но у порога оглянулась. Янь Усин стоял у окна, глядя в темноту ночи.

— Спасибо, — тихо сказала я.

— За что? — не оборачиваясь, спросил он.

— За то, что не отдали меня. Вы могли, когда он спросил про служанку. «Вот она, за ширмой». И он бы тогда вас наградил. Но вы солгали Императору ради меня. Спасибо вам.

Я уже взялась за вырез в двери, когда услышала его тихий ответ:

— Не обольщайся, глупая девчонка. Я солгал не ради тебя, а потому что то, что принадлежит мне, — принадлежит мне. И никто, даже Дракон, не имеет права забирать это без моего разрешения.

Мои глаза широко раскрылись, сердце пропустило удар. Я едва не задохнулась. Поспешно вышла за дверь, приложив руку к груди.

«Принадлежит мне».

Его слова эхом отдавались в моей голове. Они звучали как неоспоримый приговор, вынесенный небесным судьей, и почему-то от этих слов по телу разливалось чувство защищенности. Я — его вещь, и он будет драться за свою собственность.

Янь Усин

Когда дверь за ней закрылась, Янь Усин сполз по стене на пол. Ноги его больше не держали. Он закрыл лицо руками.

Это было слишком близко. Непростительно близко. Он чувствовал страх Му Жоси из-за ширмы, и этот страх сводил его с ума. Он хотел защитить её. Но зачем? Зачем он рискует всем, что строил десять лет? Ради чего? Ради пары красивых глаз?

В голове всплыл образ Дунфан Цзинь-Хайлуна. Император был пьян, но его инстинкты работали безупречно. Он почувал неладное и кружил вокруг, как зверь, уловивший каплю крови. Завтра будет испытание, которое надо пережить и не раскрыть ничего.

Он посмотрел на свою руку, которой касался её запястья. Кожа все еще помнила тепло её тела. Янь Усин медленно расстегнул ворот халата, обнажая старые шрамы от тренировок и новые, полученных в боях за власть.

Он не евнух, а мужчина и этот мужчина сейчас просыпался, требуя своего. Рядом с ней он забывал о своей роли и хотел, чтобы она смотрела на него так, как смотрела сегодня, когда благодарила. С доверием и восхищением.

— Ты сгоришь, Янь Усин, — прошептал он в тишину. — Ты сгоришь и утащишь её за собой в ад.

Он встал, подошел к столу и достал из потайного ящика маленький кинжал. Если завтра Дунфан Цзинь-Хайлун узнает её...

Янь Усин провел пальцем по острию, пока не выступила капля крови.

Если Император узнает её и попытается забрать, то Янь Усин убьет её сам ударом в сердце, чтобы она не почувствовала боли. Это будет его последний подарок ей. Лучше смерть от руки друга, чем жизнь наложницы в руках мучителя.

Глава 7.1

День середины осени встретил меня свинцовой болью. Моя голова раскалывалась, словно по ней били всю ночь барабаны. После визита императора я так не смогла сомкнуть глаз и постоянно вздрагивала от каждого шороха за окном. Казалось, что император вернётся, и что он стоит за дверью, прислушиваясь к моему дыханию. Утром Янь Усин решил создать из меня старуху.

— Сгорбись! — приказал он, стоя рядом со мной, держа ворох старого тряпья. — Сильнее! Твое левое плечо должно быть выше правого! Ты калека с детства, не забывай об этом!

Он начал стягивать грудь широкой лентой ткани, и та сдавила ребра так, что дышать стало очень трудно. Женственные изгибы моего тела, которые я пыталась всё это время скрыть, исчезли, превратившись в плоскую доску. Затем он подложил скомканную тряпку под мою лопатку под верхним платьем.

— Повернись ко мне лицом, — произнес он и взял кисть. В прошлый раз он работал быстро по сравнению с нынешней скоростью. Он осыпал мне лицо и плечи красной пылью, затемнил зубы, чтобы они казались гнилыми, и нарисовал глубокие морщины вокруг рта. Взглянув на себя в зеркало, я поняла, что превратилась в чудовище. На меня смотрела старая, больная, сломленная женщина, которая повидала много

чего в жизни. От Му Жоси, что провела ночь с Драконом, не осталось ни капли.

— Просто прекрасно! — произнес Янь Усин, осматривая свою работу. — Тебя даже мать родная не узнает, а императоры и подавно. Он даже не станет смотреть на такую грязь, как ты, дольше секунды.

— Это ужасно! — прошептала я, трогая свое новое лицо.

И себя не узнавала. Я превратилась в самый настоящий кошмар, какой могла только представить.

— Зато теперь ты в безопасности. — проговорил он. — Идем, скоро начнется праздник, и мы должны там быть.

Он развернулся и вышел из павильона, и мне ничего не оставалось, кроме как последовать за ним. Мы вышли из города, который превратился в улей с растревоженными пчелами. Тысячи слуг украшали галереи красными фонариками и выставляли горшки с цветами. Воздух наполнился запахом мяса и сладких лунных пряников. Все радовались и смеялись, ведь это был праздник, но я чувствовала себя просто отвратительно. Я испытывала пытки. Мое тело ныло под слоями одежд. Горб натирал спину, тугая повязка сдавила грудь так, что я не могла нормально вдохнуть.

Когда солнце начало припекать, мне стало так плохо, что перед глазами мелькали черные мушки.

Я и Янь Усин стояли на террасе, отведенной для слуг и мелких чиновников, а вдали под желтым балдахином восседал император, который был великолепен и страшен в своей

красе. Золотые одежды, расшитые девятью драконами, корона из нефрита и жемчуга. Император казался идолом, сошедшим с небес, и ведь таковым и был, ведь он из рода драконов, настоящих властителей небес.

Но даже с такого расстояния я чувствовала исходящую от него подавляющую силу. Его взгляд блуждал по толпе, и не хотел задерживаться на танцующих перед ним девах с разноцветными веерами и лакомствами. Я сразу поняла, что он искал меня, и я опустила голову так низко, что подбородок коснулся груди.

— Считай! — прошептал Янь Усин, стоя рядом, и напоминавшего невозмутимую скалу. — Император приказал тебе быть здесь, чтобы ты считала расходы на огненные цветы. Поэтому делай вид, что работаешь, и не замирай.

Я достала счеты и начала считать непослушными пальцами, но цифры то и дело не складывались в уме.

— Три тысячи связок, — пробормотала я чувство, как горло подступает тошнота. — Две сотни огненных цветов.

Внезапно музыка стихла и Император поднял руку.

— Янь Усин! — прокричал он.

И тогда меня качнуло. Янь Усин шагнул вперед, закрывая меня собой, но сделал это так, чтобы это выглядело естественно.

— Ваш слуга здесь, ваше величество.

— Подойти ближе, — проговорил император, — и возьми свою помощницу. Я хочу видеть, как хорошо она считает

мои деньги.

От его слов у меня подкосились ноги, и я едва не упала. Но Янь Усин незаметно поддержал меня под локоть. Его пальцы больно впились в мою руку, но именно это позволило мне хоть немного прийти в чувство.

— Иди и не забудь, что ты хромая калека.

Мы поднялись по ступеням вверх и теперь были на самом виду у всей знати столицы. Генерал Гун Лэй, стоявший по правую руку от трона, презрительно скривился, увидев меня. Он явно ожидал увидеть не ту служанку, какую несколько дней назад.

— Подними голову, женщина! — приказал император.

Я медленно подняла лицо, щурясь от солнца, и пыталась подавить страх, а также старалась сделать взгляд настолько тупым и пустым, чтобы на меня быстро перестали обращать внимание. Император смотрел на меня несколько вечных секунд. Его взгляд скользнул по моим гнилым зубам, язвам на щекам, по горбу на спине. Я видела, как в его глазах мелькнула брезгливость и разочарование. Он явно ожидал увидеть не ту.

— Мдааа, — протянул он, и от его слов толпа придворных захихикала. — Генерал Гун Лэй был прав. Это зрелище явно не для праздничного стола. Янь Усин, у тебя воистину странный вкус на слуг, или ты специально окружаешь себя уродством, чтобы на его фоне казаться еще красивее?

Толпа разразилась смехом, и я почувствовала укол уни-

жения, но понимала, что все это происходящее меня спасет. Янь Усин низко склонился в поклоне.

— Этот раб ценит ум выше внешней оболочки, Ваше Величество. Золото часто скрыто в камне. Я его нашел.

— Но здесь камней слишком много, — фыркнул император. — Уведи ее, она портит мне аппетит. Пусть считает внизу, чтобы мой взгляд ее не видел.

— Как прикажете, — проговорил Янь Усин.

И мы спустились обратно. Все это время я слышала смешки в спину, но меня это уже больше не трогало. Главное, что император ничего не узнал. Я смогла пройти это испытание и выжить. Но как только напряжение отпустило, то мое тело решило меня предать. Жар накатил волной так сильно, что земля ушла из-под ног. Я качнулась и почувствовала, что задыхаюсь. Ткань на моей груди стала сталью, не дающей вздохнуть.

— Господин... — прошептала я и попыталась схватиться за рукав Янь Усина, но пальцы соскользнули. — Мне...

Не успела я договорить, как перед глазами все почернело.

Я приходила в себя урывками. Сначала я чувствовала, что летала или даже парила где-то, что кто-то меня нес на руках. Сильные руки прижимали к твердой груди, отчего я слышала стук чужого сердца.

— Держись. Мы почти пришли домой. Не смей умирать на моих руках, Му Жоси.

Я слышала этот голос и не понимала, чей он. Он был такой встревоженный и живой. Это Янь Усин? Нет, Янь Усин — ледяной истукан. Он не умеет так волноваться, тем более за каких-то безродных служанок.

И вдруг я почувствовала резкую сильную боль. Кто-то срывал с меня одежду. Я пыталась сопротивляться. Стыд и шок ощущались даже сквозь лихорадку. Но у меня не было сил поднять руку. Я находилась между явью и сном.

— Тихо, тихо, не сопротивляйся.

И вдруг я почувствовала блаженство и сделала глубокий вздох. Но и потом я почувствовала холод, и как что-то мокрое коснулось моего лица. Видимо, Янь Усин смывал грязь и краску.

— Му Жоси открой рот и выпей. Это облегчит боль и приведет тебя в чувство.

И внезапно я почувствовала жуткую невыносимую горечь, отчего поперхнулась и попыталась выплюнуть гадость.

— Глотай! — прокричал Янь Усин. — Глотай, иначе ты умрешь.

Я проглотила и снова провалилась в темноту. Мне снился дракон, который обвивал меня кольцами и душил. Его чешуя была такой горячей, что напоминала угли. Я кричала, но ни капли моего голоса не вырвалось изо рта. И тогда откуда-то появилась темная фигура с ледяным мечом, который отогнал дракона. Он положил мне на лоб холодную руку, и боль от жара отступила.

Из бреда я смогла вырваться только глубокой ночью. В комнате было тихо и горела одна единственная свеча, прикрытая бумажным колпаком, чтобы свет не резал глаза. Меня кто-то перенес в мою постель в маленькой комнате при рабочем зале и переодел в чистую сухую одежду из мягкого хлопка. Сковывающей полосы ткани на груди больше не было, и я могла легко дышать, хотя в теле всё ещё разливалась слабость.

Я повернула лицо и увидела, как рядом с моей кроватью на простой деревянной табуретке сидел Янь Усин. Он не спал и сидел, скрестив руки на груди, и тревожно смотрел на меня. Его лицо за эти часы осунулось, тяжелые тени залегли под его глазами.

— Очнулась, — проговорил он хриплым и страшным голосом.

— Господин, — я попыталась приподняться, но он жестко остановил меня рукой.

— Лежи и не двигайся. У тебя был сильный жар от огненной лихорадки и перетяжки груди. Ты была без сознания три стражи.

Перед глазами пронеслись недавние воспоминания. Император, жара и смех толпы.

— Он ведь не узнал меня? — спросила я с надеждой на Янь Усина.

— Нет, ты сыграла свою роль просто великолепно и даже

слишком. Твое тело решило, что лучше умереть, чем выдать тайну.

Он наклонился ко мне и протянул руку, отчего я невольно сжалась, и коснулся моего лба тыльной стороной ладони. Приятная прохлада тут же разлилась по голове.

— Жар спал, — произнес он, убирая ладонь. — Значит, теперь все позади.

— Вы ухаживали за мной? — спросила, смотря неверящими глазами. — Почему не позвали лекаря? Зачем вам заниматься этим? Вы же управляющий дворцом. Зачем вам ухаживать за какой-то служанкой?

— Лекаря? — Янь Усин усмехнулся. — Чтобы он увидел под образом дряхлой старухи молодую красивую девушку, которую ищет весь дворец? И чтобы завтра этот лекарь продал эти знания императору за мешок золота? Я не собирался этого делать.

Он встал, подошел к столику и налил воды в чашку, которую тут же опрокинул в себя.

— Нет, Му Жоси, теперь мы с тобой сообщники. Никто не должен видеть тебя настоящей, кроме меня. — Он налил еще чашку и протянул мне: — Пей.

Я схватилась за его ладонь и взяла чашку, и тут же выпила ее. Вода стекала по моему лицу, но я не обращала внимания. Живительная влага могла остудить то, что творилось у меня внутри.

И вдруг Янь Усин вытер капли своим рукавом на моем

лице, отчего я застыла и забыла о воде. Это действие показалось мне таким заботливым, что меня невольно защемило в глазах.

— Вы снова спасли меня, — прошептала я.

— Я спасал свои счета, а не тебя, Му Жоси, — холодно проговорил Янь Усин. Но его слова звучали так фальшиво, что я в них не поверила. — Если ты умрешь, то мне придется искать нового помощника, учить ядам, проверять на верность и много чего. Это слишком хлопотно, а я не хочу этим снова заниматься.

— Вы лжете, Янь Усин, — произнесла я и посмотрела ему прямо в глаза. — Вы не такой бессердечный, каким хотите казаться. Вы намного добрее.

Он замер и больше не говорил ни слова. Тишина в комнате стала такой густой и сильной, что можно было просто протянуть палец и коснуться ее.

— Ты не знаешь, какой я на самом деле. Я монстр, Му Жоси, и делаю вещи, от которых у обычных людей стынет кровь. Я посылаю людей на смерть, отравляю соперников и лгу в лицо Небу. Ты ничего не знаешь.

— Но вы не бросили меня, когда мне стало плохо. Вынесли меня на руках и притащили сюда. Вы боялись за мою жизнь. Вы не можете быть таким, каким сейчас говорите, — упрямо произнесла я. И он отвернулся, пряча лицо в тени.

— Бред лихорадки, ничего более.

— Нет, не бред. Вы сами это сделали. Разве я вру? — про-

тянула к нему руку и коснулась его рукава.

— Вы дали мне горькое лекарство, которое спасло мою жизнь.

— Жизнь вообще горькая штука, — сказал Янь Усин и повернулся ко мне. У него в руках что-то блеснуло. — Но у каждого должно быть противоядие.

Он разжал кулак, показывая, что лежало на его ладони, а там была темная, сморщенная, покрытая сахаром слива.

— Держи. Эта сладость должна перепить вкус трав. Ты молодец.

Я протянула ладонь, чтобы дотянуться до сливы, и внезапно наши ладони коснулись друг друга. Мы замерли, глядя на друга. Казалось, между нами протянулась какая-то невидимая нить. Мое тело замерло, и я почувствовала что-то в глубине груди.

— Спасибо, — произнесла я и положила сливу в рот, оторвавшись от его руки. Приятная сладость тут же растеклась по языку, смывая горечь от лекарственных трав.

— А теперь спи. Ты сильно устала за весь день. Завтра ты не будешь работать, только лежать. Я скажу всем остальным, что твоя болезнь заразная и к тебе нельзя приходить. Еду я буду заносить. И, Му Жоси.

— Да?

— Береги свое здоровье. Если тебе снова станет плохо, то сразу об этом говори, а не терпи. Мне нужны живые слуги, а не задохнувшиеся мертвецы.

Дверь закрылась, оставив меня одну в комнате наедине с собой. Почему-то на лице растянулась печальная улыбка. Впервые за всё время пребывания во дворце я чувствовала себя человеком, о котором кто-то заботится. Пусть этот кто-то самый опасный интриган империи.

Глава 7.2

Янь Усин

Янь Усин вернулся в свой кабинет и рухнул на стул. Его руки дрожали от пережитого страха. Когда он увидел, что она упала на площадь и закатила глаза, мир на мгновение померк. Ему стало глубоко плевать на императора, на толпу, на скрытность. Он подхватил её, и она показалась ему пугающе лёгкой, словно птица. Он нёс ее через весь старый дворец, кричал на стражников, чтобы те убирались с его пути, сам готовил отвары и менял ткань, смоченную водой.

Когда он сорвал одежду и увидел эту вьезшуюся в плоть ткань, то почувствовал гнев на самого себя. Он сам замотал ей грудь, и от этого остались темные следы на её нежной коже.

— Что ты делаешь, Янь Усин? Ты привязываешься, и именно тогда наступит конец, — спросил он себя, глядя на пламя свечи.

Перед ним лежала служанка, обычная девчонка, которая должна была просто стать пешкой в его руках. Но когда она посмотрела на него своими огромными глазами и сказала, что он добрый, в груди что-то болезненно сжалось.

Янь Усин достал со стола карту империи. Император становился всё более безумным и капризным, и одним из его капризов стала эта девушка. Клань грызлись друг с другом,

он сам поспособствовал этому. Планировал переворот, всё продумывал, но в его плане появилась деталь, за которой он не смог уследить. Му Жоси. Если он начнёт войну, она может пострадать.

— Проклятие, — прошептал он, взял кисть и начал писать письмо человеку из тайной стражи. — Усилить охрану Павильона Холодной Яшмы, никого не пускать без моего личного приказа, даже Сына Неба задерживать у ворот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.